
Л. В. СОКОЛОВА

Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве?

(К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести»)

Великий князь Рязанский Олег Иванович неоднократно упоминается в «Летописной повести о Куликовской битве»¹ как союзник Мамаю и Ягайло, якобы заключивший с ними союз против московского великого князя Дмитрия Ивановича и пославший свои войска на помощь Мамаю.

Исследователи высказывали сомнения в достоверности сведений об Олеге Рязанском в «Летописной повести о Куликовской битве». Историк Рязанского княжества Д. И. Иловайский, подробно проанализировав сообщения летописей о поведении Олега Рязанского в 1380 г., выразил уверенность в том, что «обвинения в измене Русской земле и жестокие упреки, которым подверглась личность рязанского князя, далеко несправедливы», что «истина сильно искажена в приведенных известиях летописи». Он пытался оправдать договор рязанского князя с Мамаем и Ягайло тем, что тот оказался в сложной ситуации накануне битвы. А пленение рязанцами *московских ратников* было, по его мнению, мстью со стороны рязанцев за насилие со стороны московской рати. (Условие об общем суде в московско-рязанском договоре 1381 г., по которому пленники должны были быть возвращены, намекает на то, что они были захвачены не совсем безвинным образом). При этом Иловайский выразил сомнение в том, что Олег «нарочно ломал мосты» и «перехватывал москвитян» уже *после* знаменитой победы, по его мнению, «такое намерение не имело никакого смысла и могло только навлечь беду на собственное княжество». «Невероятным» представлялось ему и летописное сообщение о том, что рязанский князь, услышав о возвращении победителей, по сообщению поздней Никоновской летописи, совершенно растерялся и побежал на Литовскую границу. И наконец, он задавался вопросом: «Если рязанцы изъявили покорность Дмитрию, а он послал к ним своих наместников, то каким образом в том же году мы находим Олега в Рязани, спокойно договаривающегося с Дмитрием?» (имеется в виду договор 1381 г.). Историк недоумевал также, почему «Дмитрию уже

¹ «Летописной повестью о Куликовской битве» исследователи называют текст, который читается с небольшими различиями в С1Л, Н4Л, во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК2) и восходит к тексту Повести в Своде Фотия 1418 г. Тексты «Летописной повести» в остальных содержащих ее летописях являются более поздними, сокращенными или переработанными, редакциями.

в Москве начали доносить на Олега, что он приказывал нападать на его людей, а главное, что он посылал войска на помощь Мамаю? Разве Дмитрий не мог узнать о том гораздо ранее и, воспользовавшись соединенными силами, отомстить вероломному князю?» По мнению Д. И. Иловайского, несправедливые наветы на рязанского князя были вызваны неприязненными отношениями московского и рязанского князей, ученый указал на возможные причины этого.² Все основные соображения Д. И. Иловайского повторил А. В. Экземплярский.³

А. Е. Пресняков, согласившись с Д. И. Иловайским в том, что грабеж рязанцами москвичей был мстью за насилие со стороны последних, отметил, что «заботливое указание позднейших редакций сказания о Куликовской битве (ПСРЛ, т. 11, с. 67),⁴ что в. к. Дмитрий „заповедал всему своему войску, аще кто идет по Рязанской земле, то никтоже ни единому власу да не коснется”, не столько опровергает, сколько подтверждает такое предположение». Историк при этом отметил, что «прямое противодействие по приказу Олега возвращавшимся с Дона войскам (...) весьма сомнительно, но несомненно столкновения этих войск с местным рязанским населением».⁵

По мнению В. А. Кучкина, сообщение о союзе Олега с Мамаем в 1380 г., скорее всего, недостоверно. «Этому противоречит как дружественный характер отношений между Москвой и Рязанью в 1375—1378 гг., т. е. незадолго до Куликовской битвы, и последующий текст Повести (...) так и одна из статей московско-рязанского докончания 1381 г. (...). Олег, видимо, в начале похода 1380 г. Мамаю на Русь вступил с ним в какие-то переговоры (...) однако сомнительно, чтобы он договаривался оказывать помощь Мамаю против Дмитрия Московского».⁶ Эту мысль В. А. Кучкин высказал и еще раз, при комментировании текста Рогожского летописца: «...возбуждает подозрение в достоверности и известие о посылке Олегом на помощь Мамаю своих полков».⁷

Названные исследователи рассматривали все упоминания Олега Рязанского как принадлежащие *авторскому* тексту Повести о Куликовской битве. На основании сообщений об Олеге Рязанском некоторые ученые пыта-

² *Иловайский Д.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 174, 176, 177. По мнению В. А. Кучкина, «высказанные в свое время Д. И. Иловайским сомнения в истинности (...) летописных свидетельств на проверку оказываются несостоятельными». Предложенные В. А. Кучкиным ответы на сомнения Д. И. Иловайского см.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века : Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 247.

³ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 587.

⁴ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11—12 : Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 11. С. 67. В Никоновской летописи читается Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище». Есть эта фраза и в варианте Ундольского: «Князь же великий урядивь полки и повели Оку рѣку возитися; и заповѣда коемуждо полку: да аще кто идетъ по Рязанской земли, никто же не коснися ни единому власу». См.: Памятники Куликовского цикла (далее — ПКЦ) / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 159.

⁵ *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства : Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 240.

⁶ [*Кучкин В. А.*] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания // ПКЦ. С. 49, примеч. 4.

⁷ [*Кучкин В. А.*] Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи : Примечания // ПКЦ. С. 19, примеч. 17.

лись даже датировать Повесть о Куликовской битве. Указав на «крайне страстный, негодующий тон повествования», «в высшей степени резкую характеристику Олега», а также на фразу о будущем посмертном суде («придет ему день Господень в судъ»), А. Марков высказал мысль, что Повесть написана еще при жизни Олега, т. е. до июня 1402 г.⁸ С тем, что об Олеге повествуется как о живом и еще опасном противнике, согласились А. А. Шахматов,⁹ М. Н. Тихомиров,¹⁰ С. Н. Азбелев,¹¹ А. К. Зайцев.¹² А. А. Шахматов предположил, что Повесть о Куликовской битве как самостоятельное, вне-летописное произведение была написана еще в XIV в.¹³ По мнению некоторых современных ученых, Повесть с обвинениями Олега Рязанского была написана, скорее всего, до 1386 г., когда Олег заключил «вечный мир» с Дмитрием Донским и не нарушал его.

Обвинения Олега в антимосковском сговоре с Мамаем в 1380 г. основывались, как полагает В. А. Кучкин, на предательском поведении рязанского князя в 1382 г., когда он указал хану Тохтамышу броды через Оку, что в конечном счете привело к захвату ордынцами Москвы и гибели многих ее жителей.¹⁴ С. Н. Азбелев и А. К. Зайцев связали отрицательную характеристику Олега Рязанского в «Летописной повести о Куликовской битве» с событиями 1385 г., с нападением последнего на Коломну 25 марта 1385 г., в день двойного праздника: Благовещения и Лазаревой субботы, когда он пограбил Коломну и увел с собой с целью выкупа коломенского наместника, бояр и «лучших мужей».¹⁵

Если одни исследователи полагают, что все обвинения Олега Рязанского в сговоре с Мамаем были уже в авторском тексте Повести о Куликовской битве, то другие считают их позднейшими вставками. Еще Н. С. Арцыбашев, подробно излагая по летописям историю Куликовской битвы, отметил (безотносительно к сообщениям об Олеге Рязанском), что «обстоятельства этой войны так искажены витийством и разноречием летописцев, что во множестве прибавок и переиначек весьма трудно усмотреть настоящее».¹⁶ А. Г. Кузьмин выразил уверенность, что все нападки на Олега Рязанского имеют позднейшее происхождение, в том числе вставкой он считал по-

⁸ Марков А. [Рец. на кн.:] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (СОРЯС. Т. 81, № 7) // ЖМНП. 1908. Ч. 14, № 4. С. 434—435.

⁹ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 (СОРЯС. Т. 81, № 7) // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 103—104, 170.

¹⁰ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве / Издание подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 346.

¹¹ Азбелев С. Н. Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011. С. 90—91.

¹² Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и Летописная повесть «О побоище иже на Дону» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. С. 55 (Труды ГИМ. Вып. 150).

¹³ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 65.

¹⁴ [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода: Примечания. С. 49, примеч. 4.

¹⁵ Азбелев С. Н. Куликовская битва в народной памяти. С. 91; Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и Летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 53—55.

¹⁶ Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1838. Т. 2, кн. 3. С. 132, примеч. 934.

вестование о поведении Олега после битвы в Рогожском летописце и попытался обосновать это тем, что ни Новгородская первая летопись, ни «Задонщина» ничего не говорят о рязанском князе.¹⁷ Ему возразил В. А. Кучкин.¹⁸

В статье «Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи)» я также высказала предположение, что большинство сообщений об Олеге Рязанском в «Летописной повести о Куликовской битве» является позднейшими вставками, внесенными в авторский текст Повести, как мне тогда представлялось, до 1386 года.¹⁹ К этому меня склонили соображения исследователей о том, что столь страстные обвинения Олега могли быть высказаны лишь при его жизни и не позже 1386 г., когда был заключен «вечный мир» Олега Рязанского с Дмитрием Донским, который действительно не нарушался обеими сторонами.

Работая над настоящей статьей, анализируя фрагменты об Олеге Рязанском в составе «Летописной повести», я пришла к выводу, что авторский текст внелетописной Повести, созданный, вероятно, до смерти Дмитрия Донского (между 1381 и 1389 гг.), содержал только сведения о поведении Олега Рязанского *после* Куликовской битвы. Авторский текст был отредактирован по крайней мере дважды. Во-первых, до 1408 г. Этот не дошедший до нас отредактированный текст (назовем его *Дополненной редакцией* Повести о Куликовской битве) послужил одним из источников для рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. и отразился в восходящих к этому своду Рогожском летописце (далее — Рог.), Симеоновской летописи (далее — Сим.) и Белорусской первой летописи (далее — Бел. I).²⁰ Судя по этим летописям, большинства обвинений Олега Рязанского в *Дополненной редакции* еще не было, за исключением одного. Большинство же фрагментов с обвинениями Олега Рязанского были внесены при включении *Дополненной редакции* в свод митрополита Фотия 1418 г. Созданная при этом *Распространенная редакция* известна нам как «Летописная повесть о Куликовской битве», дошедшая в составе С1Л, Н4Л и НК2.

¹⁷ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание : Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 220—225.

¹⁸ В. А. Кучкин по этому поводу написал следующее: «Своей основной задачей при оценке указанных событий А. Г. Кузьмин ставил полную реабилитацию своего знаменитого земляка — рязанского князя Олега Ивановича. Поэтому современные событиям XIV в. летописные свидетельства, бросавшие тень на политику Рязани, исследователю представлялись поздними, тенденциозными, происходившими из враждебных Олегу московских правительственных кругов, стремившихся путем распространения всевозможных слухов о связи рязанского князя с Литвой и Мамаевой Ордой и внесении их в летопись опорочить его, подорвать его репутацию, а в итоге захватить рязанские земли и т. п.» (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века : Внешнеполитические договоры. С. 243).

¹⁹ Соколова Л. В. Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : (К 150-летию со дня рождения). СПб., 2015. С. 300—301.

²⁰ Гипотеза о том, что рассказ о Куликовской битве в составе свода 1408 г. (=Троицкой летописи) был создан на основе заметки в предшествующем своде, завершавшемся извещением под 1392 г. (так называемом «Летописце великом русском»), и заимствований из внелетописной Повести о Куликовской битве, созданной, вероятно, при жизни Дмитрия Донского, изложена мной в статьях: Соколова Л. В. 1) Летописные повествования о Куликовской битве : (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 305—353; 2) Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи).

На мысль о том, что обвинений Олега Рязанского в *союзе с Мамаем* не было в авторском тексте Повести, что это вторичные вставки, наводит, во-первых, слишком эмоциональное (в первой части Повести) повествование об Олеге, который выступает здесь едва ли не бóльшим врагом Дмитрия Ивановича, чем Мамай. Между тем есть основание думать, что в первоначальном тексте Повести примерному христианину Дмитрию Ивановичу противопоставлялся именно Мамай как гонитель христиан, «неверный», «поганный», «сыроядец». Кроме того, крайне страстный, негодующий тон по отношению к Олегу в первой части Повести контрастирует со спокойным сообщением второй части (эпилога) о действиях Олега после битвы, которое принадлежит автору Повести: Дмитрию Ивановичу сообщают об ограблении рязанцами русских воинов, возвращавшихся с битвы, и о взятии некоторых из них в плен (читающееся здесь же сообщение о посылке Олегом своих войск Мамаю было внесено составителем Дополненной редакции, см. об этом далее).

Рассмотрим поочередно фрагменты «Летописной повести» с упоминанием Олега Рязанского и Ягаило с целью показать, что большинство из них является позднейшими вставками в первоначальный текст внелетописной Повести о Куликовской битве. Текст «Летописной повести» цитируется по списку НК2 (в ПКЦ он опубликован как Карамзинский список Н4Л). Вставки в авторский текст Повести выделены курсивом и заключены в угловые скобки. В отдельных случаях в примечаниях указываются чтения двух списков Н4Л: Голицынского (Г) (РНБ, Q.XVII.62) и Новороссийского (Н) (БАН, собр. текущих поступлений № 1107), а также чтения С1Л старшего извода по списку Карамзина (РНБ, Q.IV.298).

Фрагмент 1

⟨Прииде ордынскїи князь Мамаи съ единомысленики своими, и съ вѣсьми прочими князьми ордынскими, и съ всею силою татарскою и половецкою, еще же к тому рати понаимовае: бесермены, армени, фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы; такоже с Мамаемъ вкупѣ въ единой мысли и въ единой думѣ и литовскїи князь Ягаило Олгердовичъ съ всею силою литовскою, с ляцкою, и с ними же въ единачество Олгъ Ивановичъ, князь Рязанскїи; съ вѣсьми сими съвѣтники поиде на великого князя Дмитрия Ивановича²¹ и на брата его князя Володимера Андреевича.²¹

Но хотя челоувѣколюбивый Богъ спасти и свободити род христианскїи молитвами пречистыа его Матере от работы измалтъскїа, от поганаго Мамаа, и от сонма нечистаго Ягаила, и от велерьчиваго и худаго Олга Рязанскаго, не снабдѣвшему своего христианства; и приидет ему день великїи Господень в суд,²² аду и ехидну²²⟩.

²³Окаанныи ⟨же⟩ Мамаи²³ разгордѣвся, мнѣвъ себе аки царя, нача злыи съвѣтъ творити, темныа своа князи поганыа звати. И рече имъ: ⟨Поидемъ на

²¹⁻²¹ В С1Л этих слов нет, вероятно, они внесены в протограф Н4Л.

²²⁻²² В С1Л этих слов нет, вероятно, они внесены в протограф Н4Л.

²³⁻²³ Поскольку третий абзац приведенного фрагмента, как представляется, начинал авторскую Повесть, то, вероятно, первая фраза содержала определение «ордынскїи»: «Ордынскїи князь Мамаи», как читается в Рог.—Сим., восходящих к своду 1408 г. Определение «ордынскїи» редактор Дополненной редакции использовал ранее во вставке,

рускаго князя и на всю землю Рускую, якоже при Батыи было, христианство потеряем, а церкви Божиа попалимь и кровь христианскую прольемь, а законы их погубимь». Нечестивый лють гнѣвашеся о своих друзех и любовницѣхъ, о князех, избиеных на рѣцѣ на Вожи,²⁴ и сего ради²⁴ нача сверѣпо и напрасно силы своя сбирати, съ яростию подвижася и силою многою, хотя пленити христиань. И тогда двигнушася *вся кольна татарскаа* (ПКЦ, с. 65—66).

Авторский текст Повести начинался, судя по всему, с третьего абзаца словами «Ордынскый князь Мамаи разгордѣвся...» Автор вначале сообщал о «совете» возгордившегося, возомнившего себя царем ордынского князя Мамаю со своими «темными князьями»; Мамай говорит им о своем намерении пойти *на всю Рускую землю*, как при Батые было, чтобы искоренить христианство, церкви попалить, пролить кровь христианскую, установить свои законы. Автор Повести объясняет далее причину ярости Мамаю: он «люто гневался» из-за того, что были убиты его приближенные и князья, которые погибли в битве на реке Воже. И только *после этого* автор Повести писал о том, что «сего ради» Мамай «нача сверѣпо и напрасно *силы своя сбирати*, съ яростию подвижася и *силою многою*, хотя пленити христиань. И тогда *двигнушася вся кольна татарскаа*». Именно так, без детализации, обобщенно и преувеличенно²⁵ сообщал автор Повести о войске Мамаю, с которым он двинулся на Русскую землю.

Редакторы авторского текста расширили сведения о войске Мамаю и его союзников. Вставки в этот фрагмент внесены в авторскую Повесть о Куликовской битве в два этапа. Текст, сообщающий, из кого состояло войско Мамаю, по моему мнению, первоначально внес составитель Дополненной редакции, отразившейся в летописном своде 1408 г. и восходящих к нему Рог.—Сим. и Бел. I. Для наглядности приведу в таблице текст заметки Московско-Академической летописи (далее — МАк.), отражающей, по моему мнению, заметку в летописном своде 1392 г., и тексты рассказа в Рог.—Сим. и Бел. I, восходящих к своду 1408 г.

МАк.	Рог.-Сим.	Бел. I
В лѣто 6888. <i>Ордынскый князь Мамаи</i> , събравъ воя многы, поиде на великого князя Дмитрея Ивановича.	Того же лѣта безбожнии злочестивый <i>ординскый князь Мамаи</i> поганый, собравъ рати многы и всю землю Половечскую и Татарскую и рати понаимовавъ: фрязы и черкасы, и ясы, и со всѣми сими поиде на великаго князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Рускую.	В лѣто 6888. Безбожнии злочестивый <i>князь Мамаи</i> , събрав воя многа, всю свою силу безбожную татарскую, и всю землю Половечскую, и рать понаимова, фрязи и чрькасы, и с всѣми с ними поиде на великого князя Дмитрия Иоановича и на всю Русскую землю.

предварившей авторский текст, поэтому в начале авторского текста он заменил это определение на «окаанныи».

²⁴⁻²⁴ «И сего ради» стоит в НК2 перед словом «нечестивый», а после слова «Вожи» стоит союз «и». Испр. по смыслу.

²⁵ Войско Мамаю никак не могло включать «*вся кольна татарскаа*».

По приведенным текстам вставку составителя Дополненной (внелетописной) редакции можно реконструировать следующим образом: «Ордынский князь Мамай, собрав воя многы, и всю землю Половечскую и Татарскую, и рати понаимовав: фрязи, черкасы и ясы, и со всѣми сими поиде на великаго князя Дмитриа Ивановича и на всю землю Русскую». В несколько измененном виде этот текст читается в «Летописной повести» (во фрагменте 1 он подчеркнут).

Вставку выдает, в частности, то, что она предшествует авторскому началу Повести, а не продолжает сообщение о составе войска Мамаея авторского текста (см. конец третьего абзаца).

Составителем «Летописной повести» был отредактирован текст Дополненной редакции, в частности, расширен список народов, входивших в войско Мамаея. По сравнению с Рог.—Сим., где названы *фряги*, т. е. итальянцы (генуэзцы, жившие в Крыму, или венецианцы, главной колонией которых была Тана — Азов), а также *черкасы* и *ясы* (адыги и осетины, жившие в Предкавказье и на Северном Кавказе, входившие в состав территории Мамаевой Орды), — в «Летописной повести» названы также *бесермяне*, жившие на левом берегу Волги в пределах бывшего Булгарского царства, и *буртасы*, народ, также обитавший в Поволжье. Однако Поволжье принадлежало тогда не Мамаевой орде, а Сарая, и нанимать войска у населения Поволжья Мамай не мог. Не мог он призывать в свое войско и *армян*. По мнению В. А. Кучкина, за сообщением об участии в Куликовской битве армян, бесермян и буртасов «не стоит ничего реального. Это просто сделанное для рифмы литературное распространение перечня народов, бывшего в одном из источников „Летописной повести“».²⁶

Составитель «Летописной повести» внес в текст Дополненной редакции (он подчеркнут) также фразу, сообщающую о присоединении к Мамаю Ягайло Литовского и Олега Рязанского. В результате получился плохо согласованный логически и синтаксически фрагмент: «...*прииде* Мамай... съ всѣми сими *поиде*». Кроме того, вставка сообщения об Олеге и Ягайло внесла в текст «Летописной повести» фактическую ошибку. После сообщения о присоединении к Мамаю войск Ягайло и Олега следует фраза: «И со всеми сими (...) *поиде* на великаго князя Дмитриа Ивановича». Получается, что Олег тоже пошел на Русскую землю. К тому же и Ягайло так и не влился в войско Мамаея. Эта ошибка показывает, что в авторском тексте Повести речь шла *только о войске Мамаея*, а сообщение об Олеге и Ягайло неудачно вставлено в текст составителем «Летописной повести».

Второй абзац рассматриваемого фрагмента говорит о спасении Богом христиан, по молитве его Матери, от поганого Мамаея, нечестивого Ягайло и велеречивого, «худого» Олега Рязанского, которому обещается посмертный суд. Сообщение о спасении христиан от трех объединившихся врагов выглядит странным в самом начале Повести. Эта фраза принадлежит тому же редактору (составителю «Летописной повести»), который внес вставку об Олеге и Ягайло в первый абзац рассматриваемого фрагмента.

²⁶ См. об этом: [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания. С. 48, примеч. 2.

Фрагмент 2

⟨И нача посылати к Литвѣ, к поганому Ягаилу, и лстивому сътонцику, диаволу съвѣтнику, отлученному Сына Божиа, помраченному тмою грѣховною и не въсхотѣ разумѣти, — Олгу Рязанскому, поборнику бесерменскому, лукавому сыну, якоже рече Христос: «От нас изыдоша и на ны быша». И учини собѣ старыи злодѣи Мамаи съвѣтъ нечестивыи с поганою Литвою и съ душегубивымъ Олгомъ: стати имъ у Оки у рѣки на Семень день на благовѣрнаго князя Дмитрия.⟩²⁷

Душегубивыи же Олегъ нача зло к злу прикладати: посылаше к Мамаю и къ Ягаилу своего боярина единомысленаго, антихристова предтечу, именованъ Епифана Кореова,²⁸ веля им быти на тотъ же срок, и тѣже съвѣтъ съвѣща — стати ему у Оки с треглавными звѣрми сыроядци, а кровь прольяти. Враже измѣнниче Олже! Лихоимства открываеши образы, а не въси, яко мечь Божии острится на тя, якоже пророкъ рече: «Оружие извлекоша грѣшници и напрягоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыа сердцемъ, и оружиа их внидутъ въ сердца их, и луци их съкрушатся») (ПКЦ, с. 66).

После сообщения о совете Мамаю со своими советниками, о решении Мамаю пойти на всю Русскую землю идет текст, являющийся позднейшей вставкой составителя «Летописной повести». На это указывает, в частности, тот факт, что в первом абзаце этого второго фрагмента речь идет о договоренности Мамаю, Ягаило и Олега Рязанского соединить свои войска у Оки, а это противоречит действительному факту ожидания Мамаем Ягаило у Дона, о чем и говорится в авторском тексте Повести.²⁹ Кроме того, о союзе Мамаю с Ягаило говорится далее (см. фрагмент 4), и там это выглядит первичным сообщением. А после победы над Мамаем сообщается только о Ягаило, который, не успев соединиться с Мамаем и узнав о его поражении, бежал в Литву. Таким образом, все сообщения рассматриваемого фрагмента о том, что Олег Рязанский вступил в военный союз с Мамаем против Дмитрия Ивановича, являются, по всей вероятности, измышлением позднейшего редактора, составителя «Летописной повести».

После сообщения о том, что Мамаю посылал к Ягаило и Олегу посла с предложением совместных действий, автор «Летописной повести» вставил также текст о посылке уже Олегом боярина Епифана Кореева одновременно и к Мамаю, и к Ягаило, причем с предложением, дублирующим Мамаево предложение, — быть им у реки Оки «на той же срок». Бессмысленность этого очевидна, вставка послужила для редактора поводом для очередной тирады против Олега.

²⁷ Так в Г, в НК2 имя отсутствует.

²⁸ В С1Л: Корѣва.

²⁹ В. А. Кучкин пишет: «Значение Оки как оборонительного заслона для Москвы ясно осознавалось в XIV—XV вв., поэтому было легко сделать заключение, что противники Дмитрия Московского соберутся у этого рубежа. Однако сомнительно, чтобы приписанные Мамаю, Ягаило и Олегу замыслы имели место в действительности. Данное известие „Летописной повести“ противоречит другому ее сообщению о сборе мамаевых сил у Дона» ([Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания. С. 50, примеч. 11).

Комментируя сообщение о посольстве Мамаю к Ягайло и Олегу Рязанскому, В. А. Кучкин пишет: «Другим источникам, независимым от цикла памятников о Куликовской битве, факт посольства Мамаю к Ягайло Литовскому и к Олегу Рязанскому незадолго до Куликовской битвы неизвестен. Но если переговоры Мамаю с Ягайло вероятны, то договоренность ордынского правителя с рязанским князем о совместных действиях <...> сомнительна».³⁰

По поводу же посольства Олега одновременно к Ягайло и Мамаю В. А. Кучкин отметил, что, во-первых, имя Епифана Кореева по другим источникам неизвестно, а во-вторых, «приведенное сообщение вызывает определенное недоумение: обычно в разные страны посылались разные послы. Здесь же послом в Орду и Литву выступает одно лицо, одни переезды которого заняли бы столько времени, что его не осталось бы на какие-либо совместные действия».³¹

В другом произведении о Куликовской битве — «Сказании о Мамаевом побоище» — о посылке Олегом послов сказано на основании текста «Летописной повести», но уже более подробно и внятно. Олег, услышав о приходе Мамаю к реке Воронеж, посылает к нему посла, и лишь после этого *другого* своего вестника послал к Ольгерду (действующему здесь вместо Ягайло) с сообщением о приходе Мамаю и с предложением послать к нему посла с дарами, ссылаясь на то, что Дмитрий творит обиду и ему, Олегу, и Ольгерду. Автор «Сказания» комментирует: они думали, как бессмысленные младые дети, что Дмитрий убежит из Москвы, а они разделят царство Московское.³²

Тот факт, что сказанное об Олеге в данном фрагменте является вставкой в авторский текст Повести, подтверждается и тем, что после вставки следует фраза (см. фрагмент 3): «И бысть мѣсяца августа, приидоша *от Орды* таковыя вѣсти къ христоролюбивому князю, оже въздвизается на христяны *измаилтѣскийи род*». Эта фраза является продолжением повествования, прерванного вставкой об Олеге Рязанском: сообщив о намерении Мамаю идти на Русскую землю, автор Повести сообщал далее, *когда* Дмитрию Донскому пришли вести *из Орды* о том, что на христиан выступает «*измаилтѣскийи род*». При этом ничего не говорится о союзе Мамаю с Ягайло и Олегом Рязанским.

Фрагмент 3

И бысть мѣсяца августа, приидоша от Орды таковыя вѣсти къ христоролюбивому князю, оже въздвизается на христяны *измаилтѣскийи род*.

⟨Олгу же, уже отпадшему сана своего от Бога, иже злыи съвѣтъ створи с погаными, и посла къ князю Дмитрию вѣсть лестную, что «Мамаи идет съ вѣсьмъ своимъ царствомъ в мою землю Рязанскую, на мене и на тебе, а и то ти свѣдомо буди, и литовскийи идет на тебе Ягаило съ всею силою своею.»⟩

³⁰ Там же. С. 50, примеч. 10.

³¹ Там же. С. 50, примеч. 12.

³² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) / Подгот. текста, текстолог. коммент., примеч. Б. М. Клосса // ПКЦ. С. 141.

Князь же Дмитриеи се слышав невеселую ту годину, что идути на него вся царства, творящеи беззаконие, а ркуще: «Еще наша рука высока есть». Иде къ соборной церкви Матери Божии Богородици и прольа слезы, и рече: «Господи, ты всемогии, всесилнии и крѣпкнии въ бранех <...>³³ не презри и христианъ сих, избави нас от сыроядець сих и помилуи мя».

Въставъ от молитвы, изыде из церкви и посла по брата своего Володимера, и по всѣх князеи русских, и по великиа воеводы. И рече к брату своему Володимеру и всѣмъ княземъ и воеводамъ: «Поидемъ противу сего окааннаго, и безбожнаго, и нечестиваго, и темнаго сыроядца Мамаа за правовѣрную вѣру христианскую, за святыа церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы, сушая и не сушаа» (ПКЦ, с. 66—68).

Комментируя сообщение «Летописной повести» о послании князя Олега Дмитрию Ивановичу, В. А. Кучкин пишет: «Речь идет о предупреждении князем Олегом Рязанским великого князя Дмитрия о готовившемся на него походе Мамаа и Ягайло. Здесь это извещение названо «лестным», т. е. лживым, хотя оно точно соответствовало действительности. Такая характеристика, скорее всего, результат позднейшей литературной обработки рассказа, сделанной под влиянием отрицательного отношения к Олегу Рязанскому. Сам факт предупреждения, думается, был реален, и он рисует позицию рязанского князя в ином свете, чем это представляли себе позднейшие редакторы рассказа о Куликовской битве».³⁴

Но, по всей видимости, в первоначальном тексте Повести о послании Олега к Дмитрию Ивановичу не говорилось. Об этом свидетельствует последующий текст: Дмитрий, обращаясь к русским князьям и воеводам, призывает их выступить только против **«окааннаго, и безбожнаго, и нечестиваго, и темнаго сыроядца Мамаа»** «за правовѣрную вѣру христианскую, за святыа церкви <...> и за вся христианы». Речи же о Ягайло здесь нет. Следовательно, не было в авторском тексте и повествования о послании Олега Рязанского Дмитрию Ивановичу с сообщением о том, что на него идет Мамай, к которому присоединился Ягайло.

О том, что Дмитрий Иванович получает весть о союзе Мамаа с Ягайло, автор Повести говорит далее (см. фрагмент 4): «И прииде князю Дмитрию паки *другаа вѣсть*: повѣдаша ему Мамаа за Дономъ събравшася и в полѣ стоаща, **ждуще к собѣ на помощь Ягаила с Литвою**, да егда сберутся вкупѣ и хотят побѣду створити съ одного» (ПКЦ, с. 68—69).

Согласно авторскому тексту Повести, *первой вестью*, пришедшей Дмитрию Ивановичу в августе из Орды, было сообщение о том, что «въздвизается на христианы измаилтъский род»; *другой вестью* было сообщение вестников о том, что Мамай стоит за Доном и ждет к себе на помощь Ягайло с Литвою.

³³ В цитатах здесь и далее мной сокращены тексты молитв и речей князя.

³⁴ [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода: Примечания. С. 50, примеч. 13.

Фрагмент 4

В то же время Мамаи ста за Доном, възбуявся, и гордяся, и гнѣваася, съ всѣм своимъ царствомъ, и стоя 3 недели. И прииде князю Дмитрию паки другаа вѣсть: повѣдаша ему Мамаа за Дономъ събравшася и в полѣ стоаща, ждуще к собѣ на помощь Ягаила с Литвою, да егда сберутся вкупѣ, и хотят побѣду створити съ одиного.

⟨И нача Мамаи слати къ князю Дмитрию выхода просити, како было при Чанибѣ цари, а не по своему dokonчаниу. Христоролюбивыи же князь, не хотя кровопролитѣа, и хотѣ ему выход дати по христіанскои силѣ и по своему dokonчаниу, како с ним dokonчалѣ. Он же не восхотѣ, высокомысляше, ожидаа своего нечѣстиваго свѣта литовскаго. Олегъ же, отступникъ нашъ, присоединився къ зловѣрному и поганому Мамаю и нечѣстивому Ягаилу, нача выход ему давати и силу свою к нему слати на князя Дмитриа. Князь же Дмитрий увѣдавъ лестъ лукаваго Олга, кровопивца христіа[н]скаго, новаго Иуду-предателя, на своего владыку бѣсится, и⟩.

Князь же Дмитрии въздохнув из глубины сердца своего, и рече: «Господи, свѣты неправедныхъ разори, а зачинающихъ рать ты погуби.

⟨³⁵не язъ почаль кровь христіанскую проливати, но онѣ, Святоплѣкъ новыи,³⁵ въздаи же ему, Господи, седмь седмерицею, яко въ тьмѣ ходит и забы благодать твою. — «Поострю, яко мльнию, мечь мои, и приметъ судъ рука моя, въздамъ мечь врагомъ, и ненавидящимъ мя въздамъ, и упою стрѣлы моя от крови их, да не ркут невѣрнии: кто есть Богъ их?⟩».³⁶⟩

Отврати, Господи, лице свое от них и покажи им, Господи, вся злаа наполѣдокъ, яко родъ развращаемъ есть, и нѣсть вѣры в них твоеа, Господи. [И пролии на них гнѣвъ твои, Господи,] на языки, не знающаа тебе, Господи, и имени твоего святого не призваша. Кто Богъ велеи, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяи чюдеса, единъ»³⁷ (ПКЦ, с. 69—70).

Весь фрагмент о требовании Мамаем дани на новых условиях представляется мне позднейшей вставкой, разрывающей первоначальный текст, в котором вслед за сообщением Дмитрию Ивановичу о стоящем за Доном Мамае в ожидании своего союзника Ягаило следовала реакция московского князя на это сообщение: «Князь же Дмитрии въздохнув из глубины сердца своего и рече: „Господи, свѣты неправедныхъ разори, а зачинающихъ рать ты погуби...”»

О том, что между Мамаем и Дмитрием Московским накануне Куликовской битвы велись переговоры о дани, не сообщает больше ни один источник: ни рассказ в своде 1408 г., ни «Сказание о Мамаевом побоище». Скорее всего, сообщение об этом является позднейшей вставкой составителя

³⁵⁻³⁵ Порядок слов в НК2 нарушен, восстановлен по спискам Г, Н, а также С1Л. В НК2 ошибочно: «...но он почаль кровь христіанскую проливати, а не яз, онѣ Святоплѣкъ новыи». Ср. в Г: «...не азъ почаль кровь проливати крестьяньскую, но он, Святополкъ новыи»; в Н: «...не азъ почаль крови проливати, но онѣ».

³⁶ Ср.: Пс. 78: 10.

³⁷ Ср.: Пс. 85: 10.

«Летописной повести». Странно, что Мамай, пришедший на Русь после неудачной для него битвы на Воже 1378 г., простояв три недели на Дону в ожидании Ягайло, вдруг стал бы требовать от Дмитрия Ивановича изменить порядок выплаты дани, т. е. давать дань не по их договору, а такую, какую Русь платила Джанибеку (правившему в Орде в 1342—1357 гг.).³⁸ Фрагмент о требовании Мамаем дани на новых условиях противоречит сказанному в начале авторского текста Повести: Мамай шел на Русь с иной целью: пленить христиан, кровь христианскую пролить, попалить церкви, установить свои законы.

Вторая вставка в этом фрагменте («*Не язъ почаль кровь христианскую проливати...*») также разрывает первоначальный авторский текст — молитву Дмитрия Ивановича в ответ на сообщение о Мамае, ждущем за Доном прихода Ягайло, т. е. ожидаемом соединении войск двух его врагов.

В авторском варианте Повести молитва Дмитрия представляла связный и логичный текст: просьбу ко Господу разорить этот «совет неправедных», погубить «зачинающих рать», отвратить от них свое лицо и пролить гнев свой на них, на «языки», не знающие Господа, не имеющие веры в него и имени его святого не призывающие: «Господи, съвѣты **неправедных** разори, а **зачинающих рать** ты погуби. (...) Отврати, Господи, лице свое **от них** и покажи **им**, Господи, вся злаа напоследѣдокъ, яко род развращаеь есть, и нѣсть вѣры **в них** твоеа, Господи. И пролии **на них** гнѣвъ твой, Господи, **на языки**, не знающаа тебе, Господи, и имени твоего святого не призваши».

В этот связный и логичный текст молитвы о наказании врагов, не знающих Господа, вторгается позднейшая вставка — просьба ко Господу наказать Олега, нового Святополка. Если в авторском тексте говорилось *во множественном числе* о врагах, не знающих Господа и имени его святого не призывающих, то во вставке, разрывающей этот текст, вдруг появляется единственное число и говорится о *христианине*, который во тьме ходит, *забыл* благодать Бога, новом Святополке, т. е. братоубийце, начавшем проливать кровь христианскую.

Эта вставка об Олеге — «*новом Святополке*, ходящем во тьме, *забывшем благодать Господа*», — связана по смыслу с первой вставкой данного фрагмента, где говорится: «Олеге же, *отступникъ нашъ*, присоединився къ зловѣрному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, нача выход ему давати и силу свою к нему слати на князя Дмитриа». Обе вставки сделаны одновременно.

³⁸ В. А. Кучкин, комментируя это сообщение, пишет: «Это известие „Летописной повести“ идет вразрез с более ранними сообщениями того же источника о давно существовавшем антимосковском союзе Олега Рязанского с Мамаем и Ягайло. Если такой союз действительно существовал, то почему Олег начал платить Орде выход только накануне Куликовской битвы? Видимо, до приближения орд Мамаея к рязанским границам Олег поддерживал Москву. Появление вблизи Рязанского княжества монголо-татар заставило Олега пойти на какие-то соглашения с ними, заключавшиеся *в готовности уплатить дань и обещании военной помощи*. Была ли такая помощь оказана, как об этом сообщает „Летописная повесть“, другие источники не говорят. По ряду косвенных свидетельств, содержащихся в самой „Летописной повести“, надо полагать, что такой помощи не было» ([Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания. С. 53, примеч. 22. (Курсив мой. — Л. С.)).

В. А. Кучкин в комментарии к имени Святополк пишет: «Здесь Святополком новым назван Мамай, а не Олег Рязанский, как обычно считается в литературе».³⁹ По мнению ученого, после убийства Святополком своих братьев Бориса и Глеба «имя Святополка стало обозначать жаждущего крови и убийств человека».⁴⁰ Однако имя Святополка стало нарицательным как имя *братоубийцы, предателя*. И здесь оно употреблено по отношению к Олегу Рязанскому; это подтверждается и тем, что Дмитрий говорит о нем в молитве как о забывшем Божью благодать, т. е. как о христианине. Именно *братоубийцей* Олег назван в 8 фрагменте (см. далее). Автор «Сказания о Мамаевом побоище», разрабатывая вслед за «Летописной повестью» тему Святополка, характеризует именем Святополк именно Олега: «Князь же Олегъ Резанскый начать спсѣшывати, слати к Мамаеви послы и рече: „Подвизайся, царю, скорѣе к Руси”. Глаголет бо премудрость: „Путь нечестивых не спсѣшится, нѣ събирают себѣ досажениа и поносъ”. Нынѣ же сего Олга Оканного новаго Святоплѣка нареку».⁴¹

Фраза «*Не язъ почаль кровь христианскую проливати, но онъ, Святоплѣкъ новыи*» не может относиться к событиям 1380 г.: военные столкновения еще не начались, Олег христианской крови никак еще не мог начать проливать. Скорее всего, нападки на Олега редактора Повести связаны, как предполагает В. А. Кучкин, с событиями 1382 г., когда по его вине пролилась кровь москвичей.⁴²

Окончание второй вставки этого фрагмента («Поострю, яко молнию...»), включающей цитату из 78-го псалма, подсказано редактору Повести окончанием молитвы Дмитрия, где есть цитата из Псалтири на ту же тему из 85-го псалма.

³⁹ В. А. Кучкин ссылается на мнение А. А. Шахматова: *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». С. 102, примеч. 1.

⁴⁰ [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания. С. 54, примеч. 24.

⁴¹ Сказание о Мамаевом побоище : Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 28.

⁴² Комментируя выражение «лѣсть лукаваго Олга, кровопролитца христианскаго», В. А. Кучкин пишет: «Этот очередной публицистический выпад против Олега Рязанского не вполне оправдан предыдущим текстом „Летописной повести”. Выплата „выхода” Мамаю еще не означала обмана («лѣсти») Дмитрия Московского, а посылка (даже мнимая) войска Мамаю не могла характеризовать Олега как „кровопролитца христианскаго”. Очевидно, все эти определения вызваны не действиями Олега в 1380 г., а его поведением в более позднее время, скорее всего в 1382 г. С этой точки зрения показательно, что только в „Летописной повести” в составе Софийской I летописи старшего извода Олег назван „кровопролитцем”. В других списках Софийской I летописи, а также в Новгородской IV летописи он охарактеризован как „кровопивец” христиан {...}. Определение Олега именно как „кровопролитца” весьма подходит к ситуации 1382 г., когда при содействии рязанского князя войска Тохтамышя сумели переправиться через Оку и захватить Москву, вырезав при этом значительную часть ее жителей. Более отвлеченное „кровопивец” появилось под пером позднейших переписчиков „Летописной повести”» ([Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания. С. 54, примеч. 23).

Фрагмент 5

И кончав молитву, иде к Пречистиѣ и⁴³ къ епископу Герасиму и рече ему: «Благослови мя, отче, поити противу окааннаго сего сыроядца Мамаа» *(и нечъстиваго Ягаила, и отступника нашего Олга, отступившаго от свѣта въ тму)*. И святитель Герасим благословиль князя и воя его вся поити противу нечъстивых агарянь (ПКЦ, с. 70).

Тот факт, что епископ Герасим благословляет Дмитрия Ивановича пойти «**противу нечъстивых агарянь**», указывает на то, что и просьба великого князя была подобной же — благословить его на битву против «**сыроядца**» **Мамаа**. Имена же Ягаило и Олега в речь Дмитрия вставил позднее редактор, составитель «Летописной повести о Куликовской битве», в соответствии со своим замыслом.

Фрагмент 6

Князь же великий прииде к рѣцѣ к Дону за два дни до Рожества святаа Богородица.

(И тогда приспѣ грамота от преподобнаго игумена Сергия, от святаго старца, благословеннаа. В ней же писано благословение его таково, веля ему битися с татари: «Чтобы еси, господине, тако и пошоль, а поможет ти Богъ и святаа Богородица». Князь же рече: «Сии на колесницах, а сии на коних, мы же въ имя Господа Бога нашего призовемъ: побѣды даи ми, Господи, на супостаты и пособи ны, оружиемъ крестнымъ низложи врагы наша; на тя уповающи побѣждаемъ, молящеся прильжно къ пречистой ти Матери». И сиа изрек, начя полци ставити и устрояше въ одежу их местную, яко великий ратници; и воеводы опльчшиа своя полки. И приидоша к Дону.)

И стаха ту, и много думавше. Овии глаголаше: «Поиди, княже, за Донъ». А друзии рѣша: «Не ходи, понеже зѣло умножишася врази наши, не токмо татарове, но и литва *(и рязанцы)*».

Мамаи же, слышав приход княжь к Дону и сѣченыа своя видѣвъ, възъярися зракомъ, и смутися умомъ, и распалися лютою яростию,⁴⁴ аки аспида нѣкаа, гнѣвомъ дышуща, и рече: «Двигнетеса, силы моя темныа, и власти, и князи! И поидемъ, станемъ у Дону противу князя Дмитриа, доколѣ приспѣть к намъ сѣветникъ нашъ Ягаило [сѣ] своею силою».

Князю же слышавшу хвалу Мамаеву, и рече: «Господи, не повелѣлъ еси в чужь предѣлъ преступати, аз же, Господи, не преступих. Сии же, Госпо-

⁴³ В *H* союза *и* нет, однако в С1Л он есть. По смыслу союз *и* лишний: Дмитрий идет в церковь Успения Пречистой Богородицы в Коломне, к епископу Герасиму, который был рукоположен в епископы Коломенские митрополитом Алексеем до его смерти (12 февраля 1378 г.). В 1382 г. Герасим все еще занимал свой пост. См.: [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания. С. 54, примеч. 25.

⁴⁴ Так в списках *Г* и *Н*, в НК2 далее ошибочно вставлено «и наплънися», что вносит в текст некоторую несогласованность.

ди, приходяще, аки змии к гнѣзду; окаанны Мамаи, нечистый сыроядецъ, на христианство дръзнулъ, и кровь мою хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святыа церкви божиа разорити». <...>

И си вся изрекши, брату своему и всѣмъ княземъ и воеводамъ великимъ и рече: «Приспѣ, братъе, время брани нашея, и прииде праздникъ царици Марии, Матере Божии Богородици <...> и честнаго ея Рожества. Аще оживемъ — господеви есмы, аще умремъ за миръ сеи — господеви есмы!» И повелѣ мосты мостити на Дону и бродовъ пытати тое нощи, в канон пречистыа Божиа Матере (ПКЦ, с. 71—73).

Выделенный курсивом текст разрывает авторское повествование и вносит в него смысловое противоречие. По «Летописной повести», когда князь Дмитрий подошел к Дону, ему была вручена грамота от Сергия Радонежского, содержащая благословение на битву с татарами и даже повеление пойти на битву. В ответ на это великий князь, помолясь о даровании победы, начал устраивать полки, и воеводы «оплчишиа своя полки», т. е. приготовились к битве. После этого выглядят странными долгие размышления о том, переходить Дон или нет.⁴⁵

Авторский же текст без эпизода с благословением Сергия выглядит логично. Придя к Дону за два дня до Рождества Богородицы, войска встали у Дона и много думали: переходить Дон или нет. По мысли автора Повести, дело было не в том, что умножились враги (о союзе Мамаи с Ягайло Дмитрием Ивановичем стало известно ранее, еще до выхода из Коломны). Сомнения были в том, преступать «чуж предел» или нет. И князь Дмитрий в молитве оправдывает свой переход Дона (с авторской точки зрения, перехода границы) тем, что не он нарушил предел, а Мамай, который, как змея, к гнезду летит (следовательно, это гнездо надо защищать), он «дерзнул» на христианство, хочет «всю землю осквернити и святыа церкви Божиа разорити». И после этих рассуждений-молитв Дмитрий Иванович принимает решение «мосты мостить» и переходить Дон, начинать битву.

Во фразе «а друзии рѣша: „Не ходи, понеже зѣло умножишася врази наши, не токмо татарове, но и литва”» составитель «Летописной повести» добавил: «и рязанцы».

Фрагмент 7

Князю же перешедшу за Донъ [в] поле чисто, <в Мамаеву землю>, на усть Непрядвы. Господь Богъ единъ вожаше его, и не бѣ с ним богъ чюждь.

<О крѣпкыа и твердыа дръзости мужество! О како не убоися, ни усумнѣся толика множества народа ратных! Се бо всташа на нь три земли, [три рати]: первое — татарская, второе — литовская, третье — рязанская. Но обаче всѣх сих никакоже убоися, ни устраишия, но

⁴⁵ О том, что фрагмент о грамоте Сергия является вставкой, см. подробнее в статье: Соколова Л. В. Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву // IX Чтения по истории и культуре Древней и Новой России : [К 700-летию преподобного Сергия Радонежского] : Мат-лы науч. конф. (Ярославль, 25—27 сент. 2014 г.) / Под ред. Л. В. Соколовой. Ярославль, 2016. С. 62—89.

еже к Богу вѣроу вѣоруживься, и креста честнаго силою укрѣпивься, и молитвами святыа Богородица оградивься, и Богу помоливься,⁴⁶ глаголя: «Помози ми, Господи, Боже мои, спаси мя ради милости твоеа, виждь — врагы моа яко умножишася на мя. Господи, что ся умножишиа стужающеи мнѣ? Мнози вѣсташа на мя, мнози борующеся со мною, мнози гонящеи мя, стужающеи ми, вси языцы обыдоша мя, именем Господнимъ противляхся имъ».)

И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися погани измаилтяне в полѣ, бѣ бо поле чисто и велико зѣло. И ту исполчишася татарстии полци противу христьян, и ту срѣтошася полци (ПКЦ, с. 73—74).

В «Мамаеву землю» первого предложения — добавление составителя «Летописной повести», который последовательно проводит мысль о том, что Дмитрий Иванович, перейдя Дон, вступил на территорию Орды, тем самым подчеркивая решительность московского великого князя, перешедшего Рубикон. На самом деле битва состоялась на Рязанской земле.⁴⁷ Напомним, что в Рог.—Сим. нет указания на то, что Дмитрий вошел в «Мамаеву землю», следовательно, его не было и в Дополненной редакции внелетописной Повести, одном из источников рассказа в своде 1408 г.

Составитель «Летописной повести» также последовательно проводит и мысль о том, что Дмитрию противостояли, наряду с Мамаем, Ягаило и Олег. Здесь во вставке он использует эпическое число «три»: «*Се бо всташа на нь три земли, три рати*», подчеркивая тем самым «*крѣпкыа и твердыа дрѣзости мужьство*» московского великого князя Дмитрия Ивановича, который «*не убояся, ни усумнѣся толика множества народа ратных!*» Однако точно известно, что на Куликовом поле не было войска Ягаило. Не было там и «силы» Олега Рязанского. По словам В. А. Кучкина, «указание на объединивших свои силы трех противников Дмитрия Московского носит не фактический, а позднейший публицистический характер».⁴⁸ И принадлежит оно не автору Повести, а позднему редактору, составителю «Летописной повести».

Вставку выдает не только намеренная фактическая ошибка, но и риторический характер выделенного курсивом текста, не характерный для авторского текста. Составитель «Летописной повести» прибегает к ритмической организации текста, единоначатию (анафоре) и рифме: «*Но обаче всѣх сих никакоже убояся, ни устрашися, / но еже к Богу вѣроу вѣоруживься, / и креста честнаго силою укрѣпивься, / и молитвами святыа Богородица оградивься, / и Богу помоливься, глаголя: / «Помози ми, Господи, Боже мои, / спаси мя ради милости твоеа, / виждь — врагы моа, яко умножишася на мя. / Господи, что ся умножишиа стужающеи мнѣ? / Мнози вѣсташа на мя, / мнози*

⁴⁶ Так в списках Г и Н, в НК2 «помолился».

⁴⁷ См. об этом: Соколова Л. В. Летописные повествования о Куликовской битве. С. 340, примеч. 138. А. В. Лаврентьев, в том числе со ссылкой на текст «Задонщины», также указывает на то, что битва состоялась на Рязанской земле. См.: Лаврентьев А. После Куликовской битвы : Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV—первой четверти XVI в. М., 2011. Предисловие.

⁴⁸ [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода: Примечания. С. 57, примеч. 42.

брющесе со мною, / мнози гонящеи мя, / стужающеи ми, / вси языцы обыдоша мя, / именем Господнимъ противляхся имь». Этот фрагмент автор «Летописной повести» составляет, используя фразеологию псалмов,⁴⁹ чем отчасти объясняется и ритмическая организация текста.

Риторический характер носят и некоторые другие вставки составителя «Летописной повести о Куликовской битве», в том числе не упоминающие Олега Рязанского (см. в Приложении текст «Летописной повести», в котором выделены фрагменты, представляющиеся нам позднейшими вставками). Вот, например, текст молитвы Дмитрия Ивановича (он опущен при цитировании фрагмента № 6): «Что есть великое сверѣпство Мамаево? / Аки нѣкаа ехидна, прыскаючи, / пришед от нѣкиа пустыня, / пожрети ны хочет. Не предаи же мене, Господи, / сыроядцу сему Мамаю, / покажи ми славу своего божества, Владыко. / И где ти аггелстии лица, / и где херувимское предстоание, / где серафимское шестокрыльное служение? / Тебе трепещет вся тварь, / тебѣ поклоняются небесныя силы, / ты солнце и луну створи / и землю украси всѣми лѣпотами; / яви, Боже, славу свою и нынѣ. / Господи, преложи печаль мою на радость, / помилуй мя, якоже помиловаль еси слугу своего Моисеа, / в горести душа възпивша к тебѣ, / и столпу огню повелѣль еси ити пред нимь, / и морскыя глубины на сушу преложи, / яко Владыка сыи, Господь, / страшное възмущение на тишину преложилъ еси».

Фрагмент 8

Князь же Дмитрии з братомъ своимъ Володимеромъ, и съ князми рускими, и воеводами, и прочими бояры, и съ всѣми вои оставшимися став тое ноши на поганыхъ обѣдищех, на костех татарскихъ, утеръ поту своего и, отдохнув от труда своего, велико благодарение принесе Богу, таковую побѣду давшему на поганяна, избавляющему раба своего от оружия люта: «Помянулъ еси, Господи, милость свою, избавил ны еси, Господи, от сыроядець сих, от поганана Мамаеа и от нечѣстивыхъ измаиловичь,⁵⁰ от незаконныхъ агарянь, подаваа чьсть, яко сынъ своеи матери.

⟨Уставилъ еси стремление страстное, якоже еси уставилъ служь своему Моисею и древнему Давиду, и новому Константину, и Ярославу, сроднику великихъ князеи, на окааннаго и на проклятаго братоубицию, безглавнаго звѣря Святоплѣка.⟩

И ты, Богородице, помиловала еси милостию своею нас, грѣшныхъ рабъ своих, и весь род христианскыи, умолила еси безлѣтнаго Сына своего» (ПКЦ, с. 80).

В текст благодарственной молитвы Дмитрия Ивановича к Богу и Богородице за избавление от Мамаеа и его нечестивыхъ измаиловичь, незаконныхъ

⁴⁹ Автор «Летописной повести» составляет этот ритмический фрагмент из фраз различных псалмов: «Господи, что ся умножиша стужающеи мнѣ, / мнози вѣсташа на мя» (Пс. 3: 1, 2), «мнози брющесе со мною» (Пс. 128: 2), мнози «гонящеи мя» (Пс. 118: 150), «стужающеи ми» (3: 1), «вси языцы обыдоша мя, / именем Господнимъ противляхся имь» (Пс. 117: 11).

⁵⁰ В НК2 далее читается союз «и», по смыслу он лишний, его нет в Н (и в С1Л).

агарян, составитель «Летописной повести» вносит неясную фразу, упоминающую «окааннаго и проклятаго *братоубицию*, безглавнаго звѣря Святоплѣка», под которым подразумевается, конечно, Олег Рязанский: «*Уставишь еси стремление страстное <...> на окааннаго и на проклятаго братоубицию, безглавнаго звѣря Святоплѣка*». Вставку выдает уже то, что в молитве не упоминается Ягайло, который действительно шел на соединение с войсками Мамаю. Вставка помещена между благодарением Богу и благодарением Богородице.

Фрагмент 9

Повѣдаша князю великому, что князь Олег рязанский *<посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ>* на рѣках мосты переметалъ, а кто поехалъ с Доновского побоища въсвояси сквозѣ его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣх велѣлъ имати и грабити, и нагих пушати.

Князь же Дмитрии про то въсхоте на Олга послати рать. И се внезапно приехаша к нему бояре рязанстии и повѣдаша, что князь Олегъ поврѣгъ свою землю да самъ побѣжалъ и съ княгинею, и с дѣтми, и з бояры. И молиша его много о семь, дабы на них рати не послалъ, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд. Князь же послуша их и приимъ челобитье их, рати на них не посла, а на Рязанскомъ княжении посади своя намѣстники (ПКЦ, с. 81).

В авторском тексте Повести в этом фрагменте речь шла о действиях Олега после битвы, достоверно известных (мосты разрушал, грабил воинов и брал их в плен).⁵¹ Этим сообщениям есть документальные подтверждения: в договоре («докончании») Олега Рязанского с Дмитрием Ивановичем 1381 г. говорится о необходимости возврата пленных. Об ограблении русских воинов сообщается в современных Куликовской битве немецких хрониках, где это ограбление ошибочно приписано литовцам.⁵² Сообщение же об участии войск Олега в Куликовской битве не подтверждается более ранними летописными источниками и вызывает большие сомнения у исследователей. Оно выглядит здесь явной вставкой. Кто ее внес?

⁵¹ По мнению Ю. Ю. Звягина, в этом фрагменте говорится, с одной стороны, о том, что Олег сделал *до* битвы, а с другой — о том, что происходило на Рязанской земле *после* битвы: до битвы Олег Рязанский «разрушил мосты на реках, тем самым затруднив обеим сторонам (и русским, и татарским войскам. — Л. С.) движение через рязанские земли. <...> А на обратном пути москвичи, похоже, все-таки пошли через Рязань. И шли, видимо, не без традиционного для армии, движущейся через чужие земли, грабежа, за что кто-то из них поплатился. Отсюда и появились московские пленные» (Звягин Ю. Ю. Загадки поля Куликова. М., 2010. С. 255). Однако в тексте «Летописной повести» прямо сказано, что русские воины по пути на поле Куликово «начаша възитися за Оку за неделю до Семеня дни, в день неделный; и переехавше за рѣку, *внидоша в землю Рязаньскую*». А в «Сказании о Мамаевом побоище» даже говорится о приказе Дмитрия Ивановича своим воинам перед переправой через Оку и вступлением в Рязанскую землю не причинять вреда ее жителям: «заповѣда коемуждо полку: да аще *кто идетъ по Рязанскои земли*, никтоже не коснися ни единому власу». См.: Сказание о Мамаевом побоище : (вариант Ундольского) // ПКЦ. С. 159. (Курсив мой. — Л. С.).

⁵² См. об этом: *Азбелев С. Н.* Новгородцы и Куликовская битва // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. № 11 (21). С. 146.

Рассматриваемая фраза не могла быть внесена составителем «Летописной повести» одновременно с обличениями Олега Рязанского в первой части Повести, так как противоречит им. Согласно первой части Повести, Дмитрий еще до битвы знал об измене Олега, о его союзе с Мамаем (говорится о трех врагах, против которых выступил Дмитрий Донской). А согласно сообщению этого фрагмента, Дмитрий только вернувшись в Москву узнал о том, что Олег «посылал Мамаю на помощь свою силу», и намеревался уже из Москвы послать на него войско. Лишь вняв просьбам рязанцев, он войско не послал, но в Рязани посадил-таки своих наместников.⁵³ Следовательно, фраза «посылал Мамаю на помощь свою силу» внесена составителем Дополненной редакции внелетописной Повести, что доказывается присутствием этой фразы в Рог., Сим. и Бел. I, а следовательно, и в их общем протографе — своде 1408 г., использовавшем в качестве источника Дополненную редакцию внелетописной Повести о Куликовской битве.

Итак, первоначальный текст Повести о Куликовской битве был по крайней мере дважды отредактирован, в том числе относительно сообщений об Олеге Рязанском.

В авторском тексте Повести говорилось, вероятно, лишь о том, что Олег на реках мосты «переметал», чтобы затруднить путь возвращавшимся с битвы русским воинам с целью их ограбления, некоторые воины при этом были взяты в плен. Это сообщение подтверждается документально.

Составитель Дополненной редакции повести, созданной до 1408 г., вероятно, расценил эти враждебные действия Олега как его выступление на стороне Мамаю в Куликовской битве и вставил в первоначальное сообщение фразу о том, что Олег «посылал на помощь Мамаю свою силу». С внесенным добавлением рассматриваемый фрагмент отразился в Рог. и Сим., а также в Бел. I, восходящих к своду 1408 г.

При составлении «Летописной повести о Куликовской битве» для летописного свода митрополита Фотия 1418 г. (на основе Дополненной редакции Повести о Куликовской битве) была развита линия Олега Рязанского. Основываясь на фразе Дополненной редакции о том, что Олег посылал к Мамаю свое войско, а при возвращении русских воинов с Куликова поля грабил их и брал в плен, составитель «Летописной повести о Куликовской битве» сделал целый ряд вставок, гневно обличавших Олега Рязанского («Летописную повесть» можно охарактеризовать как Распространенную редакцию Повести). Тема предательства Олега и тройственного союза врагов Дмитрия Донского звучит в «Летописной повести» неоднократно. Упоминания Олега носят различный характер: это либо сообщение

⁵³ В. А. Кучкин предполагает, что при возвращении Дмитрия Ивановича с Куликова поля у рязанского князя были захвачены порубежные с Москвой волости, в которых были посажены наместники Дмитрия Московского ([Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи : Примечания. С. 19, примеч. 18). Повесть, однако, сообщает, что Дмитрий Иванович посадил своих наместников в Рязани уже после того, как вернулся в Москву и получил известие о грабеже Олегом русских воинов и их пленении, отказавшись — по просьбе приехавших к нему в Москву рязанских бояр — от намерения послать на Рязань войско.

(утверждение о союзе Олега с Мамаем), либо замечание автора-церковника (Бог спас от поганого Мамаю, от Ягаило и худого Олега Рязанского), либо риторическое восхваление Дмитрия Ивановича за то, что он не убоился выступить против трех ратей, либо литературный вымысел (о посылке Олегом своего посла одновременно к Мамаю и к Ягаило; о посылке Олегом посла к Дмитрию Ивановичу с сообщением о том, что идут на него Мамай и Ягаило; о том, что Олег стал «выход» давать Мамаю на новых условиях).

Как видим, обвинения Олега Рязанского в предательском союзе с Мамаем в «Летописной повести» могли иметь литературное происхождение и складываться постепенно. Возможно, дополнительным основанием для осуждения Олега послужило длительное противоборство Дмитрия Донского и Олега Рязанского. А предательство рязанского князя в 1382 г., когда он действительно способствовал нападению Тохтамыша на Москву (указал ему броды на Оке), в результате которого погибло много москвичей, — дало повод составителю «Летописной повести» поверить в то, что и в 1380 г. Олег Рязанский каким-то образом помогал Мамаю. Оставалось литературно домыслить, как это могло быть.

Таким образом, мнение исследователей (к которым присоединилась ранее и я) о том, что гневные обвинения Олега Рязанского были сделаны при его жизни, т. е. до 1402 г., представляется мне в настоящее время ошибочным. Вставки о союзе Олега с Мамаем (за исключением вставки во фрагмент № 9) были сделаны при составлении «Летописной повести» для свода Фотия 1418 г. Все они связаны друг с другом, представляя собой связанное повествование («текст в тексте»), внесенное редактором с определенной художественной целью. Некоторые из них ритмически организованы, в них используются анафора, рифма.

Риторический характер вставок в «Летописную повесть», искусное использование ее составителем фразеологии псалмов и цитат из других библейских книг позволяют видеть в нем профессионального церковного писателя. Столь же искусное составление своего текста из фразеологии псалмов и других библейских книг, а также и риторические пассажи находим в Житии Стефана Пермского, написанном монахом Троицкого монастыря Епифанием Премудрым (ум. между 1418 и 1422 гг.). Если учесть также вставку составителя «Летописной повести» о благословляющей грамоте игумена Троицкого монастыря Сергия Радонежского (учителя Епифания Премудрого), полученной Дмитрием Донским перед переправой через Дон, то есть основание предполагать в составителе «Летописной повести о Куликовской битве» именно Епифания Премудрого, создавшего Распространенную, риторическую по стилю, редакцию ранее существовавшей внелетописной Повести о Куликовской битве.

Свод 1418 г. определенно связывается с именами и деятельностью митрополита Фотия и Епифания Премудрого. Г. М. Прохоров считал, что Епифаний Премудрый до самой смерти «мог служить своим пером <...> митрополиту Фотию»,⁵⁴ выполняя его заказы, в том числе с написанием целого

⁵⁴ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 88—122.

ряда повестей для летописного свода 1418 г. «Литературные достоинства „Свода 1418 г.“ в первую очередь определялись, — по словам А. Г. Боброва, — вкладом именно этого писателя (Епифания Премудрого. — Л. С.)».⁵⁵ Все повести, впервые читающиеся в этом своде и, как полагают исследователи, написанные или отредактированные для него, объединяет общий риторический стиль. Г. М. Прохоров обосновал предположение, высказанное ранее А. В. Соловьевым, что «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича» написано Епифанием Премудрым.⁵⁶ В числе повестей, написанных для летописного свода 1418 г., и «Летописная повесть о Куликовской битве».⁵⁷ Теперь есть основание предполагать, что Епифаний Премудрый не написал, а отредактировал в характерном для него риторическом стиле ранее существовавшую Повесть о Куликовской битве.

Если обвинения Олега Рязанского в союзе с Мамаем и Ягайло действительно принадлежат Епифанию Премудрому, то чем объясняется столь эмоциональное и гневное повествование об Олеге не при его жизни (как полагали исследователи), а спустя полтора десятилетия после его смерти? Верил ли Епифаний Премудрый в союз Олега Ивановича с Мамаем или сознательно вводил в заблуждение своих будущих читателей? Мог ли он написать «явную ложь» для потомков,⁵⁸ обвинить Олега в союзе с Мамаем, зная, что этого союза на самом деле не было и Олег не посылал свои войска на поле Куликово? Ведь «Летописная повесть» создавалась, когда не прошло и 40 лет после Куликовской битвы и еще были живы свидетели событий 1380 г.

Епифаний Премудрый, надо полагать, знал о жестком противостоянии Олега Рязанского и Дмитрия Донского.⁵⁹ Знал он наверняка и о том,

⁵⁵ Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия : (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 137. А. Г. Бобров пишет: «...исполнителем работы по написанию ряда повестей для включения в этот выдающийся памятник летописания был, по всей вероятности, инок Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый, а „заказчиком“ создания произведения в целом — митрополит Киевский и всея Руси Фотий, поэтому мы и называем его „Летописный свод митрополита Фотия“» (Там же).

⁵⁶ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 85—106; Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. С. 88—122.

⁵⁷ См.: Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 244—246; Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия : (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 132—133.

⁵⁸ А. В. Быков и О. В. Кузьмина, защищая «оболганного князя» Олега Рязанского, замечают в конце статьи: «Современники, прочитав явную ложь в официальных документах, посмеются над убожеством и нелогичностью текста. А историки, через 500 лет прочитав этот же текст, примут его за чистую монету» (Быков А. В., Кузьмина О. В. Олег Рязанский // История (еженедельное приложение к газете «Первое сентября», г. Москва). 2002. № 4. [Электронный ресурс] URL: Библиотека Якова Кротова: http://5.krotov.info/history/14/3/oleg_kuzmina.htm (Последнее обращение 23.07.2018)).

⁵⁹ В 1350 г. Олег в молодом возрасте стал великим князем Рязанским. В 1353 г. рязанцы отвоевали у Москвы Лопасню, с XIII в. принадлежавшую Рязани; «...князь же их Олег Иванович тогда еще был млад», — замечает летописец. В 1370 г. Олег стал одним из организаторов сбора войск на помощь осажденной Ольгердом Москве. Но в декабре 1371 г. Дмитрий Иванович совместно с татарами по неизвестной причине предпринял поход на

что между великим князем Московским Дмитрием Ивановичем и Сергием Радонежским установились близкие, доверительные отношения. Сергей был крестным отцом двух сыновей Дмитрия Ивановича: Юрия (род. в 1374 г.) и Петра (род. 29 июня 1385 г.). В 1389 г. Дмитрий Иванович пригласил Сергия скрепить духовное завещание, узаконивающее новый порядок престолонаследия от отца к старшему сыну. Епифаний Премудрый наверняка знал и о том, что Сергей Радонежский по просьбе Дмитрия Ивановича не раз совершал дипломатические миссии, способствуя объединению русского государства: в 1356 г. он примирил с великим князем Московским ростовского князя, в 1365 г. — нижегородского. Зимой 1386 г. по просьбе Дмитрия Ивановича Сергей Радонежский ездил в Рязань примирять его с Олегом Рязанским после военных столкновений между ними в 1385 г. Летописи отмечают, что многие московские дипломатические представители являлись к Олегу Рязанскому в поисках мира и уезжали, несолоно хлебавши: так упорен был князь. Московский летописный свод конца XV в., например, сообщает: «Тое же осени преподобный игумен Сергей ездил на Рязань ко князю Олгу о миру, мнози бо прежде того к нему ездиса и не възмогоса умирити ихъ, тогда же взя с великимъ князем

Рязань. Московские войска под командованием князя Дмитрия Боброка-Волынского в сражении под Скорнищевым разбили рязанское войско, Олег бежал. Дмитрий захватил Рязань и отдал ее Владимиру Пронскому, но в 1372 г. Олег при помощи татарского мурзы Салахмира вернул себе Рязань. После этого Олег Иванович находился в союзнических отношениях с Дмитрием Ивановичем (*Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 19, примеч. 17*). В 1378 г. татары были разбиты московскими и рязанскими войсками на реке Воже, а в 1379 г. Мамай так опустошил Рязанскую землю, что, по словам летописца, ее приходилось вновь населять. В 1380 г., когда московские войска после победы возвращались домой по Рязанской земле, рязанцы преградили им путь (мосты на реках «переметали»), напали на них и разграбили, а также взяли какое-то число воинов в плен. Дмитрий намеревался послать на Олега рать, но рязанцы умолили его этого не делать. В 1381 г. Олег заключил с московским князем договор, он признавал старшинство Дмитрия Ивановича, были определены границы между Москвой и Рязанью, Олег должен был сложить целование литовскому князю и действовать по отношению к нему заодно с московским князем. Уже в 1382 г. договор этот был нарушен Олегом. Желая избавить рязанскую землю от разорения Тохтамышем, шедшим на Москву, Олег, по сообщению летописцев, обвел их вокруг рязанской земли и указал брод на Оке. На обратном пути татары опустошили рязанскую землю. Для наказания Олега предпринял поход на Рязань и Дмитрий Донской. Московские войска, по словам составителя Рогожского летописца, «землю всю до остатка взяша и огнем пожгоша и пугу сотвориша» (ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1 : Рогожский летописец. Стб. 146). В 1385 г., воспользовавшись тем, что Дмитрий Донской, собрав рать со всех городов Руси, отправился в Великий Новгород, потревоженный смутой, Олег Рязанский собрал свою рать и внезапно в день двойного праздника (Благовещения и Лазаревой субботы) напал на Коломну, откуда все воины ушли вместе с Дмитрием на Новгород. Олег взял в плен наместника Александра Андреевича Остея «и прочих бояр и лучших людей, поймав, поведе с собою, и много злата и сребра и всякого товара наймався, отъиде», — как пишет Московский летописный свод конца XV в. Тогда, возвратившись из Новгорода, Дмитрий Иванович отправил Владимира Андреевича Серпуховского «со множеством вои» на Олега Рязанского. В той войне было убито несколько московских воевод, в том числе князь Михаил Андреевич Полоцкий, внук Ольгерда (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25 : Московский летописный свод конца XV века. С. 211—212). В 1386 г. при содействии Сергия Радонежского между Дмитрием Ивановичем Московским и Олегом Ивановичем Рязанским был заключен «вечный мир».

Дмитреем мир вечныи». ⁶⁰ «Авторитет и живая сила речей великого Сергия были настолько убедительны, что Олег согласился на полный и окончательный мир с Дмитрием Донским, с Московской землей, хотя оба княжества на этот момент весьма серьезно разъединяла густо пролитая кровь». ⁶¹ Результат этих мирных переговоров в следующем 1387 г. скрепился брачным союзом дочери Дмитрия Ивановича с сыном Олега Рязанского. После этого военных столкновений между Дмитрием Донским (ум. через два года, в 1389 г.) и Олегом Рязанским (ум. в 1402 г.) не было. Более того, договоры заключали позднее сыновья Олега Рязанского и Дмитрия Московского (в 1402 г.) и их внуки (в 1447 г.).

Почему же в таком случае в митрополичьем летописном своде 1418 г. столь резко клеймится покойный Олег Рязанский? Что касается Куликовской битвы, то, судя по всему, Епифаний Премудрый не имел о ней достоверных сведений. И основывался он на рассказе Троицкой летописи (которую, разумеется, знал как книжник Троицкого монастыря), где в эпилоге сказано, что Олег посылал на помощь Мамаю свои войска. Епифаний принял это за правду. В это легко было поверить, ведь Олег Рязанский и в 1382 г., по свидетельству летописцев, действовал как враг Москвы, пособник Тохтамыша. А главное — и достоверно известные действия Олега Рязанского в 1380 г. давали достаточное основание обвинить его в предательстве: рязанцы грабили и брали в плен своих же русских людей, только что победивших и чудом выживших в жесточайшей битве с Мамаем, врагом не только Дмитрия Московского, но и самого Олега Рязанского.

Именно как предателя русских интересов, пособника врагов Русской земли обвиняет рязанского князя Епифаний Премудрый, приверженец, как и Сергей Радонежский, идеи единства Русских земель. ⁶² По словам М. А. Салминой, «Летописная повесть о Куликовской битве» — «произведение публицистическое, направленное в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства». ⁶³ И эта публицистичность была внесена в Повесть Епифанием Премудрым. Праведный гнев Епифания, его проклятия по адресу Олега Рязанского должны были, вероятно, служить наведением другим русским князьям.

Умело использовал составитель «Летописной повести» тему тройственного союза врагов Дмитрия Ивановича и для риторического восхваления московского князя, который не убоился, не устрасился, когда против него выступили «три земли», «три рати», а положился как истинный христианин на помощь Бога и Богородицы. В другом произведении, написанном для летописного свода 1408 г. Епифанием Премудрым, — «Слове о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского», Дмит-

⁶⁰ Там же. С. 212.

⁶¹ *Стариков В.* «Сергий Радонежский на Рязанской земле». См.: <http://www.proza.ru/2009/07/06/68> (Последнее обращение. 25.07.2018).

⁶² В это время происходит не только политическое объединение русских земель, но и восстановлено единство Русской Церкви. Литовская митрополия, учрежденная по настоянию князя Витовта для южных и западных русских православных епархий, в 1420 г. была упразднена митрополитом Фотием.

⁶³ *Салмина М. А.* Повесть о Куликовской битве летописная. С. 245.

рий Иванович прославляется за то, что он поднял меч для защиты Руси от поганых, победил их и тем самым основал на Руси «велие царство» и стал первым «царем Руским».⁶⁴

В Приложении приводится текст «Летописной повести» по Карамзинскому списку Новгородской IV летописи (РНБ, Ф. IV.603), изданный в ПКЦ.⁶⁵ Этот список, как полагал Я. С. Лурье, представляет первоначальный вид Новгородской IV летописи. В силу достаточно серьезных различий между Карамзинским списком и другими списками Новгородской IV летописи в настоящее время принято рассматривать Карамзинский список как оригинальный памятник — Новгородскую Карамзинскую летопись (НК).⁶⁶ Г. М. Прохоров и А. Г. Бобров пришли к выводу, что более ранней по отношению к Новгородской IV летописи была только первая часть Новгородской Карамзинской летописи (НК1).

Пропуски Карамзинского списка (т. е. НК2) публикатор Повести в ПКЦ Б. М. Клосс восполнил по Голицынскому списку Н4Л, они заключены им в квадратные скобки. В необходимых случаях указываются более исправные чтения Голицынского (Г) и Новороссийского (Н) списков Н4Л, различия по которым приведены Б. М. Клоссом. В отдельных случаях приводятся чтения Софийской I летописи старшего извода, восходящей к одному протографу с Н4Л и НК2 (своду Фотия).⁶⁷

Помимо вставок, в которых упоминается Олег Рязанский, курсивом выделены в тексте «Летописной повести» и заключены в угловые скобки также и другие фрагменты, которые есть основания считать позднейшими вставками в авторский текст Повести. Краткие обоснования этого приведены в подстрочных примечаниях.

⁶⁴ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. С. 122.

⁶⁵ Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи // ПКЦ. С. 63—84. Деление на абзацы и знаки препинания мои. — *Л. С.*

⁶⁶ ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42 : Новгородская Карамзинская летопись. Характеристику летописи см. в Предисловии к этому изданию, написанному Я. С. Лурье, и в дополнении к нему («От составителей»), написанному А. Г. Бобровым и З. В. Дмитриевой.

⁶⁷ «Летописная повесть» по списку Карамзина С1Л (РНБ, Q. IV.298) опубликована в ПКЦ. См.: Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода / Подгот. текста, текстолог. коммент., примеч. В. А. Кучкина // ПКЦ. С. 28—62.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**О побоищи, иже на Дону,
и о томъ, что князь великий бился съ Ордою**

⟨Прииде ордынскии князь Мамаи съ единомысленики своими, и съ всѣми прочими князьми ордынскими, и съ всею силою татарскою и половецкою, еще же к тому рати понаимовав: бесермены, армени, фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы; такоже с Мамаемъ вкупѣ въ единой мысли и въ единой думѣ и литовскии князь Ягаило Олгердовичъ съ всею силою литовскою, с ляцкою, и с ними же въ единачествѣ Олегъ Ивановичъ, князь Рязанскии; съ всѣми сими съвѣтники поиде на великого князя Дмитриа Ивановича.¹

Но хотя человеклоубивыи Богъ спасти и свободити род христианскии молитвами пречистыа его Матере от работы измалтѣския, от поганого Мамаа, и от сонма нечистаго Ягаила, и от велерьчываго и худаго Олга Рязанскаго, не снабдѣвшему своего христианства; и приидет ему день великии Господень в суд.²⟩

³Ордынскии князь Мамаи³ разгордѣвся, мнѣвъ себе аки царя, нача злыи съвѣтъ творити, темныа своа князи поганыа звати. И рече имъ: «Поидемъ на рускаго князя и на всю землю Рускую, якоже при Батыи было, христианство потеряем, а церкви Божиа попалимъ и кровь христианскую прольемъ, а законы их погубимъ». Нечестивыи лютѣ гнѣвашеся о своих друзех и любовницѣхъ, о князех, избиеных на рѣцѣ на Вожи, ⁴и сего ради⁴ нача сверѣпо и напрасно силы своя сбирати, съ яростию подвижася и силою многою, хотя пленити христианъ. И тогда двигнушася вся колѣна татарскаа.

⟨И нача посылати к Литвѣ, к поганому Ягаилу, и лстивому сътонцику, диаволу съвѣтнику, отлученому Сына Божиа, помраченому тмою грѣховною и не въсхотѣ разумѣти, — Олгу Рязанскому, поборнику бесерменскому, лукавому сыну, якоже рече Христос: «От нас изыдоша и на ны быша». И учини собѣ старыи злодѣи Мамаи съвѣтъ нечестивыи с поганою литвою и съ душегубивымъ Олгомъ: стати имъ у Оки у рѣки на Семень день на благовѣрнаго князя. Душегубивыи же Олегъ нача зло к злу прикладати: посылаше к Мамаю и къ Ягаилу своего боярина единомысленаго, антихристова предтечу, именовъ Епифана Кореова,⁵ веля им быти на тотъ же срок, и тѣ же съвѣтъ свѣща — стати ему у Оки с треглавными звѣрми сыроядци,

¹ Подчеркнутый текст внесен, по моему мнению, составителем Дополненной редакции влетописной Повести, он отразился в своде 1408 г.; этот текст расширил затем составитель «Летописной повести». В НК2 после имени Дмитрия Ивановича доб.: «и на брата его князя Володимера Андреевича». Этих слов нет в С1Л. ст., а также в Рог.—Сим. Вероятно, это добавление сделано в протографе Н4Л.

² В НК2, в Г и Н далее читается: «аду и ехидну». В С1Л этих слов нет.

³⁻³ В «Летописной повести» читается «Окаанныи же Мамай». Реконструируем авторское начало влетописной Повести на основании аргументов, изложенных при анализе фрагмента № 1.

⁴⁻⁴ «И сего ради» стоит в НК2, Н4Л и С1Л в начале предложения, перед словом «нечестивыи», здесь же (после слов «на Вожи») стоит союз «и». Испр. по смыслу.

⁵ В С1Л: Корѣва.

а кровь прольати. Враже измѣнниче Олже! Лихоимѣства открываеши образы, а не вѣси, яко мечь Божии острится на тя, якоже пророкъ рече: «Оружие извлекоша грѣшници и напягоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыа⁶ сердцемъ, и оружиа их внидутъ въ сердца их, и луци их съкрушатся».)

И бысть мѣсяца августа, приидоша от Орды таковыя вѣсти къ христолюбивому князю, оже въздвизается на христианы измаилтѣский род.

〈Олгу же, уже отпадишему сана своего от Бога, иже злыи свѣтъ створи с погаными, и посла къ князю Дмитрию вѣсть лестную, что «Мамаи идетъ съ вѣсѣмъ своимъ царствомъ в мою землю Рязанскую, на мене и на тебе, а и то ти свѣдомо буди, и литовский идет на тебе Ягаило съ всею силою своею».〉

Князь же Дмитрей се слышав невеселую ту годину, что идуть на него вся царства, творящеи безаконие, а ркуще: «Еще наша рука высока есть». Иде къ соборной церкви Матери Божии Богородици и прольа слезы, и рече: «Господи, ты всемогии, всесилный и крѣпкий въ бранех, вѣистину еси Царь славы, сътворивый небо и землю, помилуй ны пресвятыа Матере молитвами, не остави нас, егда унываемъ! Ты бо еси Богъ нашъ, и мы — людие твои, послѣ руку твою свыше и помилуй ны, посрами враги наша и оружиа их притупи. Силен еси, Господи, и кто противится тебѣ? Помяни, Господи, милость свою, иже от вѣка имаши на родѣ христианскомъ. О многоименитаа Дево, Госпоже, Царице небесныхъ чинов, Госпоже присно всеа вселенныа и всего живота челоувѣчскаго Кормителнице, и въздвигни, Госпоже, руцѣ свои пречистаа, имаже носила еси Бога воплощена, не презри и христианъ сих, избави нас от сыроядецъ сих и помилуй мя».

Въставъ от молитвы, изыде из церкви и посла по брата своего Володимера, и по всѣхъ князеев русских, и по великия воеводы. И рече к брату своему Володимеру и всѣмъ княземъ и воеводамъ: «Поидемъ противу сего окааннаго, и безбожнаго, и нечестиваго, и темнаго сыроядца Мамаа за правовѣрную вѣру христианскую, за святыа церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы, суцая и не суцаа. И възмемъ с собою скипетръ Царя небеснаго — непобѣдимую побѣду, и възприимемъ Аврамлю доблестъ». И нарек Бога и рече: «Господи, в помощь мою вѣрни, Боже, на помощь мою потщися, и да постыдятся, и посрамляются, и познають, яко имя тебѣ Господь, яко ты еси единъ вышний по всеи земли!»

И съвокупився съ всѣми князьями рускими и съ всею силою и поиде противу их вборзѣ с Москвы, хотя боронити своя отчины. И прииде на Коломну, събра вои своихъ 100 тысящъ и 100, опроче князеев и воевод мѣстных. И от начала миру не бывала такова сила рускаа князеев русских, якоже при семь князи бѣаше. А всее силы и все[и] рати числомъ с полтораа тысящъ или с двѣстѣ. Еще же к тому приспѣша въ тѣи чинѣ рагозныи издаlech великие князи Олгердовичи поклонитися и послужити: князь Андрей Полоцкѣи съ плѣсковичи, брат его князь Дмитрии Брянскѣи съ всѣми своими мужи.

В то же время Мамаи ста за Доном, възбуявся, и гордяся, и гнѣвааяся, съ всѣмъ своимъ царствомъ, и стоя 3 недели. И прииде князю Дмитрию паки

⁶ Так в Г и Н, в НК2 — «правна».

другаа вѣсть: повѣдаша ему Мамаа за Дономъ събравшася и в полѣ стоаща, ждуще к собѣ на помощь Ягаила с литвою, да егда сберутся вкупѣ, и хотят побѣду створити съ одного.

⟨И нача Мамаи слати къ князю Дмитрию выхода просити, како было при Чанибѣ цари, а не по своему докончаниу. Христолюбивыи же князь, не хотя кровопролитья, и хотѣ ему выход дати по христианскои силѣ и по своему докончаниу, како с ним докончалъ. Он же не въсхотѣ, высокомысляше, ождаа своего нечѣстиваго съвѣта литовскаго. Олегъ же, отступникъ нашъ, присоединився къ зловѣрному и поганому Мамаю и нечѣстивому Ягаилу, нача выход ему давати и силу свою к нему слати на князя Дмитриа. Князь же Дмитрии увѣдавъ лестъ лукаваго Олга, кровопивца христиа[н]скаго, новаго Иуду-предателя, на своего владыку бѣсится, и⟩

Князь же Дмитрии вздохнув из глубины сердца своего и рече: «Господи, съвѣты неправедныхъ разори, а зачинающихъ рать ты погуби.

⟨⁷Не яз почаль кровь христианскую проливати, но онъ, Святоплѣкъ новыи,⁷ възда же ему, Господи, седмъ седмерицею, яко въ тмѣ ходит и забы благодать твою. — «Поострю, яко мльнию, мечь мои, и примет суд рука моа, въздамъ мечь врагомъ и ненавидящимъ мя въздамъ, и упою стрѣлы моа от крови их, да не ркут невѣрнии: кто есть Богъ их?»⟩

Отврати, Господи, лице свое от них и покажи им, Господи, вся злаа напослѣдокъ, яко род развращаемъ есть, и нѣсть вѣры в них твоеа, Господи. [И пролии на них гнѣвъ твои, Господи,] на языки, не знающаа тебе, Господи, и имени твоего святого не призваши. Кто Богъ велеи, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, твориа чудеса, единъ».

И кончав молитву, иде к Пречистѣи,⁸ къ епископу Герасиму и рече ему: «Благослови мя, отче, поити противу окааннаго сего сыроядца Мамаа *⟨и нечѣстиваго Ягаила, и отступника нашего Олга, отступившаго от свѣта въ тму⟩*». И святитель Герасим благословиль князя и воя его вся поити противу нечѣстивыхъ агарянь.

И поиде с Коломны с великою силою противу безбожныхъ татаръ мѣсяца августа 20, а уповая на милосердие Божие и на пречистую его Матерь Богородицу, на Приснодевицу Марию, призываа на помощь честныи крестъ. И прошед свою отчину и великое свое княжение, и ста у Оки на усть Лопастны, переимаа вѣсти о поганыхъ. Ту бо наеха Володимеръ, брат⁹ его, и великий его воевода Тимофеи Васильевичъ, и вси вои останочныи, что были оставлены на Москвѣ. И начаша възитися за Оку за неделю до Семеня дни,

⁷⁻⁷ В НК2 порядок слов ошибочный: «...но он почаль кровь христианскую проливати, а не яз, онъ Святоплѣкъ новыи». Восстановлен по спискам Г, Н и С1Л. Ср.: Г: «...не азъ почаль кровь проливать крестьяньскую, но он, Святоплѣкъ новыи»; Н: «...не азъ почаль крови проливати, но онъ, Святоплѣкъ новыи»; С1Л: «...не азъ почяхъ кровь проливати христианскую, но онъ, Святополкъ новыи».

⁸ В НК2 далее стоит союз «и», в списке Н его нет, однако в С1Л он есть. По смыслу союз и лишний: Дмитрий идет в церковь Успения пречистой Богородицы в Коломне, к епископу Герасиму, который был рукоположен в епископы Коломенские митрополитом Алексеем (до 12 февраля 1378 г.). В 1382 г. Герасим все еще занимал свой пост. См.: [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания. С. 54, примеч. 25.

⁹ Испр. по Г, в НК2 «братью».

в день неделный; и переехавше за рѣку, внидоша в землю Рязаньскую. А самъ [князь] в понеделник перебреле своимъ дворомъ, а на Москве остави воевод своих у великой княгини Евдокеи и у сынов своих — у Василья, у Юрья и у Ивана — Федора Андреевича.

И слышав в градѣ на Москвѣ и в Переаславлѣ, и на Костромѣ, и в Володимерѣ, и въ всѣх градѣх великого князя и всѣх князеи русских, что пошол князь великий за Оку, и бысть в градѣ Москвѣ туга велика, и по всѣмъ его предѣломъ, и плач горекъ, и глас рыдания. *«И слышано бысть, — сирѣчь высоких, Рахиль же есть, — рыдание крѣпко, плачущееся чяд своих и с великимъ рыданием и въздыханиемъ, не хотяше ся утѣшити», зане пошли с великимъ княземъ за всю землю Рускую на остраа копя. Да кто уже не плачется женѣ онѣх рыдания и горкаго их плача, зряще убо ихъ, каяждо к себѣ глаголаше: «Увы мнѣ, убогаа наша чада! Уне бы намъ было, аще бы ся есте не родили, за сиа злострастныя и горкыя печали вашего убиства не подъяли быхом! Почто быхомъ повинни пагубѣ вашей?»¹⁰*

Князь же великий прииде к рѣцѣ к Дону за два дни до Рожества святыа Богородица.

«И тогда приспѣ грамота от преподобнаго игумена Сергия, от святого старца, благословенаа. В неи же писано благословение его таково, веля ему битися с татары: «Чтобы еси, господине, тако и пошолъ, а поможет ти Богъ и святая Богородица». Князь же рече: «Сии на колесницах, а сии¹¹ на коних, мы же въ имя Господа Бога нашего призовемъ: побѣды даи ми, Господи, на супостаты и пособи ны оружиемъ крестнымъ, низложи врагы наша; на тя уповающи побѣждаемъ, молящесе прилѣжно къ пречистой ти Матери». И сиа изрек, начя полци ставити и устраяше въ одежду их местную, яко великий ратници; и воеводы оплѣчшиа своя полки. И приидоша к Дону.»

И стаха ту, и много думавше. Овии глаголаше: «Поиди, княже, за Донъ». А друзии рѣша: «Не ходи, понеже зѣло умножишася врази наши, не токмо татарове, но и литва *⟨, и рязанци⟩*».

Мамаи же, слышав приход княжъ к Дону и сѣченыа своя видѣвъ, възъярился зракомъ, и смутися умомъ, и распалися лютою яростию,¹² аки аспида нѣкаа, гнѣвомъ дыщуще, и рече: «Двигнетесе, силы моя темныа, и власти, и князи! И поидемъ, станемъ у Дону противу князя Дмитриа, доколѣ приспѣтъ к намъ сѣветникъ нашъ Ягаило [сѣ] своею силою».

Князю же слышавшу хвалу Мамаеву, и рече: «Господи, не повелѣлъ еси в чюжь предѣлъ преступати, аз же, Господи, не преступих. Сии же, Господи, приходяще, аки змии к гнѣзду; окаанныи Мамаи, нечистыи сыроядецъ, на христианство дръзнулъ, и кровь мою хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святыа церкви Божиа разорити».

«И рече: «Что есть великое сверѣпство Мамаево? Аки нѣкаа ехидна, прыскающа, пришед от нѣкия пустыня, пожрети ны хоцет. Не предаи же

¹⁰ Вставку в данном случае выдает экспрессия и риторичность стиля, отличающие добавления составителя Распространенной редакции, а также дублирование предшествующего авторского текста.

¹¹ Так в *Н*, в НК2 — «си».

¹² Так в *Г* и *Н*, в НК2 далее ошибочно вставлено: «и наплънися», что вносит в текст несогласованность.

*мене, Господи, сыроядцу сему Мамаю, покажи ми славу своего божества, Владыко. И где ти аггелстии лица, и где херувимское предстоание, где серафимское шестокрилное служение? Тебе трепещет вся тварь, тебѣ поклоняются небесныя силы, ты солнце и луну створи и землю украси вѣсьми льпотами; яви, Боже, славу свою и нынѣ. Господи, преложи печаль мою на радость, помилуй мя, якоже помиловалъ еси слугу своего Моисея, в горести душы въззивша к тебѣ, и столпу огню повелѣлъ еси ити пред нимъ, и морскыя глубины на сушу преложи, яко Владыка сыи, Господь, страшное възмущение на тишину преложилъ еси».*¹³

И си *〈вся〉* изрекши, брату своему и вѣсьмъ княземъ и воеводамъ великимъ и рече: «Приспѣ, братъе, время брани нашея, и прииде праздникъ царици Марии, Матере Божии Богородици, и вѣсѣхъ небесныхъ чинов и Господжи всея вселеныя, и честнаго ея Рожества. Аще оживемъ — господевы есмы, аще умремъ за миръ сеи — господевы есмы!» И повелѣ мосты мостити на Дону и бродовъ питати тое ноци, в канон пречистыя Божия Матере.

Заутра же в субботу [порану], мѣсяца септемвриа 8 день, в самыи праздникъ Господжинъ, възходящу солнцу, и бысть тма велика по всеи земли, и мгляно было бяше того утра до третиаго часа. И повелѣ Господь тмѣ уступити, а свѣту пришествие дарова. Князь же великыи исполчи полки своа велиции, и вся его князи рустии свои полкы устроивше, и великыя его воеводы облачишася въ одежу местныя. И ключа смертныя растерзахуся, трусь же бѣ страшень и ужась събраннымъ чадомъ издалече, от востока и до запада. Поидоша за Дон, в далняя части земля, и преидоша Донъ вскорѣ люто и сверѣпо и напрасно, яко основанию земному подвизатися от великихъ силъ.

Князю же перешедшу за Донъ [в] поле чисто, *〈в Мамаеву землю〉*, на усть Непрядвы. Господь Богъ единъ вожаше его, и не бѣ с нимъ богъ чюждь.

*〈О крѣпкыя и твердыа дръзости мужьство! О како не убояся, ни усумнѣся толика множества народа ратныхъ! Се бо всташа на нь три земли, [три рати]: первое — татарскаа, второе — литовскаа, третие — рязанскаа. Но обаче вѣсѣхъ сихъ никакоже убояся, ни устраишася, но еже к Богу върою въоруживься, и креста честнаго силою укрѣпивься, и молитвами святыа Богородица оградивься, и Богу помоливься,*¹⁴ *глаголя: «Помози ми, Господи, Боже мои, спаси мя ради милости твоеа, виждь — врагы моа яко умножишася на мя. Господи, что ся умножишиа стужающеи мнѣ? Мнози вѣсташа на мя, мнози борющесе со мною, мнози гонящеи мя, стужающеи ми, вси языцы обыдоша мя, именемъ Господнимъ противляхся имъ».*

¹³ На то, что этот текст — позднее добавление к речи Дмитрия Ивановича, указывает повтор глагола «рече» в начале вставки и слово «вся» («И си *вся* изрекши»), которым редактор невольно подчеркнул неорганичность речи князя, ее *составной* характер. Вставка разрывает авторский текст, в котором Дмитрий Иванович, объяснив в форме молитвы к Богу свое решение переправляться через Дон (перейти границу), обратился к брату своему, всем князьям и воеводам с речью и повелел мосты мостить на Дону и «бродовъ питать». Вставка выделяется в авторском тексте Повести и своей риторикой: использованием ритмической организации текста, анафоры (где... где... где...; тебе... тебе...), риторических вопросов. При этом риторика характерна именно для составителя «Летописной повести», вносившего вставку об Олеге Рязанском.

¹⁴ Так в списках *Г* и *Н*, в НК2 «помолися».

И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися погании измаилтяне в полѣ, бѣ бо поле чисто и велико зѣло. И ту исполчишася татарстии полци противу христьян, и ту срѣтошася полци.¹⁵ И великия силы узрѣвше, поидоша; и земля тутняше, горы и холми трясахуся от множества вои безчисленыхъ. И извлекоша оружия обоюдоустри в рукахъ их. И орли собирахуся, якоже есть писано: «Где будет трупие, ту сберутся и орли».

Пришедшимъ рокомъ преже бо начаша ся съездати сторожевыи плѣки руский с татарскими. Сам же князь великий наеха наперед в сторожевых полцех на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго диавола Мамаа, таче потом, недолго попустя, отѣха князь в великий полкъ. И се поиде великаа рать Мамаева, вся сила татарскаа. А отселѣ князь великий Дмитрии Ивановичь съ всѣми князьми рускими, изрядивъ полкы, поиде противу поганых половець и съ всѣми ратьми своими. И възрѣв на небо умилныма очима и въздохнув из глубины сердца, рече слово псаломское: «Братие, Богъ намъ прибѣжище и сила!»

И абие съступишася обоя силы велиции вмѣсто на длѣгъ час, и покрыша полкы поле яко на десяти верстѣ от множества вои. И бысть съча зла и велика, и брань крѣпка, и трусь великъ зѣло, яко от начала миру съча такова не бывала великимъ княземъ рускимъ, якоже сему великому князю всея Руси. Бьющим же ся им от шестаго часа до 9-го, пролься кровь, аки дождева тучя, обоих: русских сынов и поганых, и множество безчислено падоша трупиа мертвых от обоих. И много руси побиени быша от татарь и от руси татаре, и паде труп на трупѣ, паде тѣло татарское на телеси христианскомъ. Инде же видѣти бяше: русинь за татариним гаяншеся, а татаринь русина стигаше; смятоша бо ся и размѣсиша, киждо бо своего супротивника искаше побѣдити.

〈¹⁶И рече к собѣ Мамаи: «Власи наши растрѣзаются, очи наши не могут огненных слез истачати, языци наши связаются, и гортан ми пресыхает, и сердце раставает, чресла ми протяжаются, колѣни изнемогают, а руцѣ ми оципают».¹⁶

Что намъ реци или глаголати, видяци злострастьную смерть? Инии бо мечемъ пресѣкаеми бываху, а инии сулицами прободаеми, инии же на копиа взимаеми, да тѣмже рыдания испльнишася.¹⁷ Мнози же небывалци¹⁷ то видѣвше, устрашишася, и живота отчаявшеся, и на бѣги обратившеся, и побѣгоша, а не помянуша, яко мученици глаголаху другъ къ другу: «Братье, потерпим мало, зима яра, но раи сладокъ; и страстенъ мечь, но славно

¹⁵ Испр. по Г, в НК2 «половци».

¹⁶⁻¹⁶ Эта речь Мамаи — явная позднейшая вставка. Автор говорит о жестокой сече, когда лилась кровь, словно дождь из тучи, и русских, и татар. Насмешливое изображение «изнемогающего» Мамаи здесь неуместно. О нем автор Повести говорит чуть далее, после сообщения о переломе в битве, когда «призрѣ Господь милостивыма очима на вси князи руские и на крѣпкия воеводы, и на вся христьяны»: «А Мамаи съ страхомъ въстрепетав и велми въстенавъ и рече: „Великъ Богъ христианескъ и велика сила его! Братие измаиловичи, незаконнии агаряне, побѣжите неготовыми дорогами”. И самъ вдавъ плещи свои и побѣже скоро паки къ Ордѣ».

¹⁷⁻¹⁷ Так в С1Л. Новгородский летописец поясняет, о каких «небывалцах» идет речь: «Москвичи мнози небывалци...» (см. в НК2 и Н4Л).

вънчание». А инии сыны агаряны на бегъ възвратишася от клича велика, зряще злаго убииства.»¹⁸

И по сих же въ 9 час дне призрѣ Господь милостивыма очима на вси князи руские, и на крѣпкыя воеводы, и на вся христианы, дръзнувше за христианство и не устрашишася яко велиции ратници. Видѣшиа бо вѣрнии, яко въ 9 час бьющеся, аггели помагают христианомъ: и святыхъ мученикъ полкъ, и воина Георгиа, и славнаго Дмитриа, и великихъ князеи тезоименитыхъ Бориса и Глѣба, в нихже бѣ воевода съврѣшенаго плѣка небесныхъ вои — архистратигъ Михаил. Двоя воеводы видѣша погании¹⁹ тресльнечныи плѣкъ и пламенныа ихъ стрѣлы, яже идут на них; — безбожнии же татарове от страха Божиа и от оружия христианскаго падаху. И възнесе Богъ десницу нашего князя на побѣду иноплеменникъ.

А Мамаи съ страхомъ въстрепетав и велми въстенавъ, и рече: «Великъ Богъ христианскъ, и велика сила его! Братие измаиловичи, незаконнии агаряне, побѣжите неготовыми дорогами». И самъ вдавъ плещи свои и побѣже скоро паки къ Ордѣ. И то слышавше темныа его князи и власти, и побѣгоша. И то видѣвше, и прочии иноплеменницы, гоними гнѣвомъ Божиимъ и страхомъ одержими суще от мала и до велика, на бѣгъ устремишася. Видѣвше же христиане, яко татарове с Мамаемъ побѣгоша, и погнаша за ними послѣ, бьюще и сѣкуще поганыхъ без милости. Богъ бо невидимою силою устраши плѣкы татарскыя, и побѣжени, обратиша плещи своя на язвы. И в погонѣ тои овии же татарове от христианъ язвени оружиемъ падохша, а друзии в рѣцѣ истопоша. И гониша ихъ до рѣки до Мечи, и тамо бѣжащихъ бесчисленное множество побиша. Князи же полци гнаша съдомлян, бьюще, до стана ихъ, и полониша богатства много, и вся имѣния ихъ, и вся стада содомскаа.

Тогда же на томъ побоищи убьени быша на съступѣ князь Феодоръ Романовичъ Бѣлоозерскый и сынъ его Иванъ, *〈князь Феодоръ Торускый, братъ его Мстиславъ, князь Дмитрии Манастыревъ,〉* Семень Михайловичъ, Микула Васильевъ *〈сынъ тысяцкого〉*, Михаила Ивановъ Акинфовичъ, *〈Иванъ Александровичъ〉*, Андреи Серкизовъ, Тимофеи Васильевичъ Акатъевичъ, нарицаемыи Волуи, Михаило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семенъ Меликовъ, *〈Дмитрии Мининичъ〉*, Александръ Пересвѣтъ, бывшии преже бояринъ брянскый, и инии мнози, ихже имена не суть писана в книгахъ сихъ. Сии же писаны быша князи токмо и воеводы и нарочитыхъ и старѣишихъ бояръ имена, а прочихъ бояръ и слугъ оставихъ имена и не писахъ множества

¹⁸ Этот фрагмент представляется позднейшей вставкой в авторский текст Повести, поскольку содержащаяся в нем информация противоречит тому, о чем сообщает автор Повести далее: он говорит о том, что князья русские, воеводы и все воины-христиане дерзнули за христианство и не устрашились, ибо были великими ратниками. А во вставке говорится о многих «небывальцах», которые «устрашишася и живота отчаявшеся, и на бѣги обратившеся, и побѣгоша». Это говорится именно о русских воинах, ибо далее сообщается о страхе и бегстве «агарян»: «А инии сыны агаряны на бегъ възвратишася от клича велика, зряще злаго убииства».

¹⁹ Далее в НК2 следует слово «полци» (в Н — полчи), это ошибочная вставка одного из переписчиков. Речь идет о двух воеводах «поганых» (ордынцев), видевших трехсолнечный (небесный) полк, огненные стрелы которого шли на них. Ранее говорилось о том, что видели «вернии»: как небесные силы помогают русским воинам.

ради именъ, яко число превъсходит ми; мнози бо на тои брани побинени быша.²⁰

Самому же князю великому бяше видѣти весь доспѣх его битъ, язвень, но на телеси его не бяше раны никоеа же, а бился с татары в лице, став наперед на первомъ суимѣ. О семь убо мнози князи и воеводы многожды глаголаша ему: «Княже господине, не ставися наперед битися, но назади или на крильѣ, или нѣгде въ опришнемъ мѣсте». Он же отвѣщаваше имъ: «Да како азъ възглаголю: „братья моа, потягнем вси вкупѣ съ одного“, — а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в томъ быти, но хошу якоже словомъ, такоже и дѣлом наперед всѣх, и пред всѣми главу свою положить за свою братью и за вся христианы, да и прочии, то видѣвше, примуть съ усрѣдием дръзновение». Да якоже рече, тако и сътвори, бьяшеса с татары тогда, став наперед²¹ всѣх. А елико одесную и ошую его дружину его биша, самого же вкругъ оступиша [аки вода многа]²² обаполы, и многа ударения ударишася по главѣ его, и по плещима его, и по утробѣ его, но от всѣх [сих] Богъ заступилъ его в день брани щитомъ истины и оружиемъ благоволения осѣнилъ естъ над главою его, десницею своею защитилъ²³ его и рукою крѣпкою и мышцею высокою Богъ избавилъ естъ укрѣпивыи его. И тако промежи многими ратными цѣль сохраненъ бысть. «Не на лукъ бо мои уповаю, и оружие мое не спасетъ мене, — якоже рече Давидъ пророкъ, — Вышняго положилъ еси прибѣжище твое, не придет к тебѣ зло, и рана не приступит к телеси твоему, яко аггеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ — съхранити тя въ всѣх путех твоих, и не убоишися от стрѣлы, летящаа в день». Се же бысть грѣх ради наших: въоружаются на ны иноплеменници, да быхом ся отступили от своих неправдъ, от братоненавидѣнниа, и от сребролюбиа, и в неправды судящих, и от насилья. Но милосердъ бо естъ Богъ Человеколюбець, не до конца прогнѣвается на ны, ни въ вѣки враждуетъ.

²⁰ В МАк. и Рог.—Сим. перечислены имена убитых, упоминающиеся и в древнем синодике, который включен в пергаменный синодик главного храма русской митрополии — кремлевского Успенского собора (рукопись ГИМ, Синодальное собрание, № 667). Начальные листы Успенского синодика относятся к концу XIV в., однако запись имен «избиенных от Мамаю» была сделана позднее, вероятно в 70-х гг. XV в. Нет сомнений, что список павших на поле Куликовом этого синодика восходит к записям конца XIV—начала XV в., которые были использованы при составлении рассказа в своде 1408 г. В «Летописной повести» (в Н4Л) названы еще 5 имен (в С1Л называются также «князь Володимерь Дорогобужьскый Голова» и «Иван Иванович Толбуга»). Кроме того, по сранению с рассказом Рог.—Сим., в «Летописной повести» поясняется имя Микулы Васильевича и имя Александра Пересвета. Если все войны, названные в летописном своде 1408 г., действительно погибли на Куликовом поле (их имена совпадают с именами, включенными в древний синодик), то в «Летописную повесть» некоторые имена были добавлены ошибочно. Как отметила М. А. Салмина, Дмитрий Мининич (Минич или Минин) и Дмитрий Монастырев, судя по летописным данным, пали не на Куликовом поле: первый — в 1368 г. в битве с Ольгердом, второй — в 1378 г. в битве на Воже. Не решен окончательно вопрос о том, в какой битве погибли Федор Тарусский и его брат Мстислав. См. об этом: Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1966. С. 371; [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода : Примечания. С. 59, примеч. 59—61.

²¹ В Н — «наперед».

²² Текст, заключенный в скобки, внесен по списку Г, читается он и в С1Л.

²³ В С1Л далее — «есть».

А отселѣ от страны Литовския Ягаило, князь Литовский, прииде съ всею силою литовскою Мамаю помагати, и татаромъ поганымъ на помощь, а христианом на пакость. Но и от тѣх Богъ избавилъ, не поспѣша бо на срок за малым: за едино днище или менши. Но точию слышав Ягаило Олгердовичъ и вся сила его, яко князю великому с Мамаем бои былъ и князь великий одолѣ, а Мамаи побѣже, и без всякого пождания литва съ Ягаилом побѣгоша назад съ многою скоростию, никим же гоними. Не видѣша тогда князя великаго, ни рати его, ни оружиа его, токмо имени его литва бояхуся и трепетаху

*⟨, а не яко при нынешних временах — литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию бесѣду оставльши и на предлежащее възвратимся.⟩*²⁴

Князь же Дмитрии з братомъ своимъ Володимеромъ, и съ князми рускими, и воеводами, и прочими бояры, и съ всѣми вои оставшимися став тое ноши на поганыхъ обѣдищех, на костех татарских, утеръ поту своего и, отдохнув от труда своего, велико благодарение принесе Богу, таковую побѣду давшему на поганья, избавляющему раба своего от оружиа люта: «Помянулъ еси, Господи, милость свою, избавил ны еси, Господи, от сыроядецъ сих, от поганаго Мамая и от нечестивыхъ измаиловичъ,²⁵ от незаконныхъ агарянь, подаваа чѣсть, яко сынъ своеи матери.

⟨Уставилъ еси стремление страстное, якоже еси уставилъ служь своему Моисею и древнему Давиду, и новому Константину, и Ярославу, сроднику великихъ князей, на окааннаго и на проклятаго братоубицию, безглавнаго звѣря Святюлька.⟩

И ты, Богородице, помиловала еси милостию своею нас, грѣшныхъ рабъ своих, и въсь родъ христианскый, умолила еси безлѣтнаго Сына своего». И мнози князи русии и воеводы прехвалными похвалами прославиша пречистую Матерь Божию Богородицю. И пакы христоролюбивый князь похвали дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплеменники, и твердо забращася, и мужьскы храброваша, и дрѣзнуша по Бозѣ за вѣру христианскую.

И възвратися оттуду в богохранимый град Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣвъ ратнымъ, побѣдивъ врагы своя. И мнози вои его възрадовашася, яко обрѣтающе користь многу: пригнаша с собою многа стада кони, и велбуди,²⁶ и волы, им же нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товарь.

Повѣдаша князю великому, что князь Олег Рязанский *⟨посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ⟩* на рѣкахъ мосты переметалъ, а кто поехалъ с Доновского побоища въсвоеси сквозѣ его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣхъ велѣлъ имати и грабити, и нагихъ пущати. Князь же Дмитрии про то въсхоте на Олга послати рать. И се внезапно приехаша к нему бояре рязанстии и повѣдаша, что князь Олегъ поврѣгъ свою землю да

²⁴ То, что этот фрагмент является позднейшей вставкой новгородца, неоднократно отмечалось исследователями, начиная с С. К. Шамбинаго. Эта вставка была сделана новгородцем в общий источник всех редакций Н4Л (в С1Л ее нет). См. об этом: [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи : Примечания // ПКЦ. С. 86—87, примеч. 2.

²⁵ В НК2 далее читается союз «и», его нет в Н и С1Л.

²⁶ В Г — верблуды, в Н — вельблуды.

самъ побѣжалъ и съ княгинею, и с дѣтми, и з бояры. И молиша его много о семь, дабы на них рати не послалъ, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд. Князь же послуша их и примъ челобитѣ их, рати на них не посла, а на рязанскомъ княжении посади своя намѣстники.

Тогда же Мамаи не въ мнозѣ убежа [и прибѣжа]²⁷ въ свою землю в малѣ дружинѣ, видя себе бита, и бѣжавша, и посрамлена, и поругана, паки гнѣвашеся [и яряся зѣло, смущашеся]. И събра остаточную свою силу, хотя ити изгономъ паки на Русь. Сице же ему умыслившу, и се прииде ему вѣсть, что идет на него нѣкии царь съ востока, Тохтамышъ из Синие орды. Мамаи же, юже уготовалъ рать на ны, с тою ратию готовою и поиде противу его. И срѣтошася на Калках, *(и бысть имъ бои. И царь Тахтамышъ побѣди Мамаа и прогна его)*.²⁸ Мамаевы же князи сшедше с конь своих и биша челомъ царю Тахтамышу, и даша ему правду по своей вѣрѣ, и яшася за него, а Мамаа оставиша поругана. Мамаи же то видѣвъ, и скоро побѣжа съ своими единомысленики. Царь же Тахтамышъ посла за ними в погону воя своя. Мамаи же гонимъ сии и бѣгаа предъ Тахтамышевыми гонители, и прибѣжа близ града Кафы, и съслася с кафинци по докончанию и по опасу, дабы его приали на избавление, дондеже избудеть от всѣхъ гонящихъ его. И повелѣша ему, и прибѣже Мамаи в Кафу съ множествомъ имѣнниа, злата и сребра. Кафинци же свѣщавшеся, и створиша над нимъ облесть, и ту от нихъ убьенъ бысть. И тако бысть конецъ Мамаю.

А самъ царь Тахтамышъ шедъ, взя Орду Мамаеву, и царици его, и казны его, и улусъ весь поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей. И оттуду послы своя отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣмъ княземъ рускимъ, повѣдая имъ свои приход, и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамаа побѣди; а самъ, шедъ, сѣде на царствѣ Волжскомъ. Князи же рустии посла его отпустиша съ честию и с дары, а сами²⁹ на зиму ту и на ту весну²⁹ за ними отпустиша в Орду къ царю каждо³⁰ своихъ килициевъ съ многими дары.

²⁷ Текст, заключенный в скобки, читается в списках *Г, Н*, а также в С1Л. В Рог.—Сим. читаем: «...утече с *Доньского побоища* и прибѣже въ свою землю».

²⁸ В Рог.—Сим. фразы о состоявшемся бое нет, скорее всего, она внесена составителем «Летописной повести». Вставленное сообщение о состоявшемся бое противоречит тому, о чем говорится в повести далее: Мамаевы князья без боя перешли на сторону Тохтамыша, а Мамай бежал.

^{29—29} В С1Л: «а сами на весну ту...».

³⁰ Так в *Г*, в НК2 «коиже».